

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Лебедева Дарья Дмитриевна

Новеллистика Огуза Атая

Направление: 032100 «Востоковедение и африканистика»

Выпускная квалификационная работа бакалавра

(Профиль: *Тюркская филология*)

Научный руководитель: *к.филол.н., Образцов А.В.*

Рецензент: *к.филол.н., Сулейманова А.С.*

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	3
I. Творческий путь Огуза Атая.....	4
II. Сборник рассказов «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»).....	14
III. Особенности новеллистики Огуза Атая	23
Заключение.....	34
Список литературы	35
Приложение 1. Рассказ «Beyaz Mantolu Adam» («Человек в белом манто») – текст и перевод	37
Приложение 2. Рассказ «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон») – текст и перевод	67

Введение

В качестве объекта исследования в настоящей работе выступает новеллистка турецкого писателя Огуза Атая (1934 – 1977), чьи произведения для турецкой литературы являются «культовыми» и «переходными» от модернизма к постмодернизму. К сожалению, его творчество мало изучено не только в России, но и даже в самой Турции, что дает возможность говорить об актуальности выбранной темы.

В качестве предмета исследования выступает художественная и биографическая литература о писателе, а также единственный сборник рассказов Огуза Атая «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»).

Целью настоящей работы является анализ особенностей новеллистки Огуза Атая.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующий ряд задач:

- сбор сведений об Огузе Атае (его жизненном пути и творчестве) для того, чтобы вписать его творчество в исторический контекст;
- перевод выбранных автором настоящей работы рассказов «Beyaz Mantolu Adam» («Человек в белом манто») и «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон») на русский язык;
- выявление особенности новеллистки Огуза Атая на примере переведенных рассказов.

I. Творческий путь Огуза Атая

Огуз Атай родился 12 октября 1934 года в Инеболу, небольшом портовом городе на берегу Черного моря.

Его отец, Джемиль Атай, родом из Кастамону, в 1909 году начал работать в полиции. В 1911 году он стал помощником комиссара, а в 1919 г. – главным комиссаром Кастамону. После 1920 года он исполнял обязанности судьи в Кастамону, Ташкёпрю, Синопе, Сафранболу и других городах Турции.

В конце 1920-х тридцатилетний Джемиль получил пост судьи в Боябате. В этом городе он встретил свою будущую супругу. Муаззез, которой на тот момент было четырнадцать лет, только что закончила среднюю школу. В силу большой разницы в возрасте брак не мог состояться, и Муаззез отправили учиться в Эдирне. Спустя три года, окончив школу, она вернулась в Боябат, где Джемиль вновь сделал ей предложение. Они поженились в Инеболу в 1933 году. Огуз родился через год после свадьбы. Еще через шесть лет в 1940 году на свет появилась его младшая сестра – Окшан.

В Инеболу Муаззез начала работать учительницей в начальной школе. Два года спустя, когда её супруга назначили в Кастамону, она продолжила эту деятельность и там.

Муаззез уделяла большое внимание образованию своих детей. Маленький Огуз научился читать в пять лет – еще до того, как пошел в школу. Отношения между матерью и сыном, одинаково любившими кино, музыку и литературу, были очень близкими вплоть до смерти Муаззез в 1964 году. Этому сближению также способствовало воспаление легких, которое Огуз перенес в возрасте двух-трех лет. Опасаясь осложнений, Муаззез решила оставить на некоторое время преподавание и проводить все свое свободное время с сыном.

Когда в 1939 году Джемиля Атая избрали в парламент Турции шестого созыва, семья переехала в Анкару. Там в 1940 году Огуз Атай пошел в

начальную школу, сразу во второй класс – так как уже умел читать. Он учился в Türk Eğitim Derneği Yenişehir Lisesi (Енишехирском Лицее Турецкого образовательного общества), который потом превратился в Ankara Koleji (Анкарский Колледж). Свободное время Огуз проводил за чтением книг и прослушиванием классической музыки. В эти годы им с Окшан преподавали игру на музыкальных инструментах.

В средней школе Огуз Атай начал свое знакомство с западными классиками. Одну за другой он читал книги из серии переводов, которые выпустило Министерство национального образования. Его круг интересов в то время составляли Шодерло де Лакло (1741 – 1803), Стендаль (1783 – 1842), Герман Мелвилл (1819 – 1891), Генри Джеймс (1843 – 1916) Оскар Уайльд (1854 – 1900), Морис Леблан (1864 – 1941), Максим Горький (1868 – 1936), Питигрилли (1893 – 1975), Арчибальд Кронин (1896 – 1981) и другие. В интервью, которое Огуз Атай дал в связи с выходом романа «Tutunamayanlar» («Неприкаянные»), он поставил Федора Михайловича Достоевского (1821 – 1881) и Франца Кафку (1883 – 1924) на первое место в списке своих самых любимых писателей.

В последнем классе его внимание привлек театр. На прощальном вечере в школе он блестяще сыграл роль Петруччо в пьесе Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой».

Еще одним увлечением Огуза Атая было рисование. Он любил рисовать портреты, пейзажи, но особенно хорошо ему удавались карикатуры. Школьный учитель рисования Эшреф Юрен, посчитав, что будущая работа для Огуза найдена (он должен стать художником), предложил Джемилю Атаю отдать мальчика в художественную академию. Но отец, желая для своего ребёнка лучшего будущего и опасаясь, что с такой профессией он останется голодным, видел сына доктором или инженером.

В 1951 году Огуз Атай окончил лицей и поступил на Строительный факультет İstanbul Teknik Üniversitesi (Стамбульского Технического Университета). Семья переехала в Стамбул. В то время инженерное дело

было очень востребованной специальностью. Стать инженером значило получить гарантию материальной обеспеченности на всю жизнь.

Профессия, выбранная по наставлению отца, Огузу не нравилась. И он погрузился в мир книг: художественная литература, философия, история, психология. В этот период он знакомится с марксизмом, изучает труды Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770 – 1831), Карла Маркса (1818 – 1883) и Владимира Ильича Ленина (1870 – 1924).

В феврале 1957 года Огуз Атай окончил университет. Из-за того, что Джемиль Атай вновь пытался навязать Огузу свои ценности и взгляды на жизнь, между сыном и отцом произошёл конфликт. Ссоры и разногласия привели к тому, что после окончания университета Огуз начал работать в инженерной фирме «Anadol» («Магистраль») и снимать маленькую квартиру вместе со своим университетским другом. Прожив в квартире полгода, из-за финансовых трудностей он опять переехал к семье.

В декабре 1957 года Огуза Атая призвали в армию в качестве офицера запаса. Первые шесть месяцев службы прошли в Yedek Subay İstihkam Okulu (Школе инженерных войск офицеров запаса) в Стамбуле. Затем О. Атай перевелся в Анкару. Основной причиной перевода стало то, что в этом городе он имел возможность общаться с группой марксистов, выпускающих газету «Pazar Postası» («Воскресная почта»). Его привлекали их разговоры об обществе, политике, философии и литературе. В мае 1959 года военная служба закончилась, и Огуз вернулся в Стамбул.

17 июля 1959 года О. Атай начал работать в Denizcilik Bankası T.A.O. İstanbul Şehir Hatları İşletmesi Müdürlüğü (Управлении эксплуатации стамбульских городских линий Морского банка). Здесь он проработал два с половиной года – до 21 ноября 1962 г. Эта работа не была единственной. Днем он работал инженером в банке, а ночью – писал статьи для газеты «Pazar Postası» («Воскресная почта»), которая была перенесена из Анкары в Стамбул. Последний выпуск «Pazar Postası» («Воскресной почты») вышел 2 января 1960 года. Из-за финансовых трудностей ее закрыли. Левая молодежь

была в поиске нового пространства выражения своих мыслей. И вскоре образовалась другая газета – «Olaylar» («События»). Проработав там несколько месяцев, Огуз Атай потерял веру в марксистские идеи и отделился от этой группы.

2 июня 1961 года он женился на Фикрие Фатме Гурбуз, с которой познакомился еще на последнем курсе обучения в Техническом университете. В этом браке, продлившемся шесть лет, у него родилась дочь – Озге. Брак развалился в 1967 году. После развода они больше не виделись. Второй раз Огуз женился в 1974 году – на Пакизе Кутлу.

В ноябре 1962 года Огуз Атай вместе со своим другом организовал фирму «Betonar» («Бетон и арматура»). Друг отвечал за финансовую часть, О. Атай – за рабоче-техническую. Сразу после открытия фирмы Огуз уволился и з Denizcilik Bankası (Морского банка). «Betonar» («Бетон и арматура») занималась государственными подрядами. Оплата подрядов осуществлялась в Анкаре. Поэтому с 1962 года до момента закрытия фирмы из-за больших долгов в 1967 году О. Атай вёл насыщенную поездками в Анкару жизнь.

Огуз Атай вернулся к преподавательской деятельности в İstanbul Teknik Okulu (Стамбульской технической школе), изменившей свое имя на İstanbul Devlet Mühendislik ve Mimarlık Akademisi (Стамбульскую государственную инженерно-строительную академию), сейчас – Yıldız Teknik Üniversitesi (Технический университет Йылдыз), в которую он пришёл в конце 1960 года.

После развода О. Атай несколько месяцев жил у своего отца. В 1964 году от рака умерла Муаззез. Не сумев привыкнуть к одиночеству, Джемиль Атай женился снова. Произшедший на этой почве конфликт вынудил Огуза съехать на съемную квартиру. В 1969 году умирает и отец. Огуз хочет побыть один.

Именно в этот период он начинает писать свой первый роман «Tutunamayanlar» («Неприкаянные»), который был опубликован в 1972 году в двух томах. В 1970 году, еще до официальной публикации, когда роман был представлен только в рукописи, он получил премию Турецкой

государственной телерадиовещательной компании (TRT Roman Ödülü). Но у читателя роман успеха не имел. 12 марта 1971 года в Турции произошел военный переворот, и началась резкая политизация как общества, так и искусства. «Обычная» литература отошла на второй план. При жизни Огуза Атая роман ни разу не переиздавался. Однако в 1984 году, когда новое издание увидело свет, роман стал культовым. ЮНЕСКО признало его «вероятно, крупнейшим романом в турецкой литературе 20 века»¹.

Из-за большого объема и множества разговорных слов и выражений перевод романа вызывает большие трудности у переводчиков. На сегодняшний день он полностью переведен только на один язык – голландский². Также есть перевод стихотворного отрывка «Вчера, сегодня, завтра» на английский язык, выполненный Севином Сейди и Морисом Уитби, который в 2008 году занял первое место на конкурсе Dryden Translation Competition.

В центре романа – инженер Тургут Озбен, который, узнав о самоубийстве своего близкого друга Селима Ышыка, пытается найти причины того, что заставило пойти с виду благополучного человека на такой шаг. Он встречается с его друзьями и возлюбленной Гюнсели, а также изучает его дневники и записи. Тургут выясняет, что Селим был слишком мнительным и недоверчивым человеком, всегда чего-то боялся и считал, что он такой не один и в мире есть еще люди, похожие на него. Он назвал их «неприкаянными» – слабые беспомощные существа, неприспособленные к жизни в этом мире. В свои последние дни Селим начал готовить «Tutunamayanlar Ansiklopedisi» («Энциклопедию неприкаянных»), в которой посвятил одну статью и себе. Погружаясь в незнакомую жизнь Селима, Тургут постепенной знакомится с самим собой и открывает свое истинное «я». Всю жизнь он думал, что такой же, как все, однако теперь он понимает – он один из «неприкаянных». В конце романа Тургут отправляет

¹http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=19184&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

²Atay Oğuz. Het leven in stukken. Vertaald door Margreet Dorleijn en Hanneke van der Heijden. – Athenaeum-Polak & Van Genneep, 2011. 768 p.

«Tutunamayanlar Ansiklopedisi» («Энциклопедию неприкаянных») журналисту для того, чтобы тот опубликовал ее. А сам, решив завершить дело друга, прощается с прежней жизнью, оставляет друзей и работу и отправляется в бесконечное путешествие, для того чтобы найти новых героев энциклопедии.

В 1970 году Огуз Атай выпустил профессиональную книгу под названием «Тороғрафу» («Топография») с целью облегчить жизнь студентов, которые посещают его занятия.

В 1971 году Аднан Бенк, член отборочной комиссии конкурса TRT, предложил Огузу Атаю принять участие в составлении двенадцатитомного энциклопедического словаря «Meydan Larousse». О. Атай согласился, ему поручили готовить турецкие статьи на букву «К». В 1973 году энциклопедия была завершена. Из газеты «Hürriyet» («Свобода») поступил новый заказ – составить и выпустить «Türkiye 1923-1973 Ansiklopedisi» («Энциклопедия Турции 1923-1973»). Вновь Аднан Бенк и его команда приступили к работе. О. Атай на этот раз готовил статьи об инженерном деле и ученых.

Первые наброски своего второго романа Огуз Атай начал делать в 1970 году. Окончательный вариант был опубликован в мае 1973 года под названием «Tehlikeli Oyunlar» («Опасные игры»).

В 1972 году Огуз Атай принялся за новую книгу. Из Türkiye Bilimsel ve Teknik Araştırma Kurumu (TÜBİTAK – Совета Турции по научно-техническим исследованиям) поступило предложение в рамках специального проекта, касающегося ученых, описать жизнь Мустафы Инана – профессора Стамбульского Технического Университета, жившего с 1911 по 1957 гг. Этот биографический роман Огуз Атай писал долго: несколько раз бросал и начинал все сначала. Тесно сотрудничал с женой и сыном М. Инана. Книга под названием «Bir Bilim Adamının Romanı» («Роман одного ученого») вышла в 1975 году. На сегодняшний день она переведена на немецкий язык³.

³Atay Oğuz. Der Mathematiker. Aus dem Türkischen von Monika Carbe. Mit einem Nachwort von Gürsel Aytaç. – Unionsverlag, 2009. 304 S.

В 1973 году Огуз Атай представил публике свою пьесу «Oyunlarla Yaşayanlar» («Живущие играми»), которая рассказывает о трудном положении интеллигенции в Турции, о различиях Востока и Запада. Название пьесы много раз менялось: «Oyun Bitti» («Игра закончилась») – 1974 год, «Hayat Bir Oyundur» («Жизнь – это игра») – 1975 год. Как в своих романах Огуз Атай использовал опыт западной литературы XX века, так и в своей пьесе он применил опыт европейского театра XX века. Он продвигался на новом пути, который открыл Бертольд Брехт, – эпический театр. О. Атай имел целью выставить напоказ с помощью современной театральной игры понятия – игра и неопределённость действительности.

Пьеса «Oyunlarla Yaşayanlar» («Живущие играми») при жизни О. Атая ни разу не ставилась и пролежала до 1979 года, когда увидела свет на сцене театра «Yeni Sahne» («Новая сцена») в Анкаре. В этом же сезоне пьесу поставили в Эрзуруме и Измире. Второй раз пьеса обрела жизнь в мае 1985 года на сцене театра «Muhsin Ertuğrul Sahnesi» («Сцена Мухсина Эртугрула»). В 1986-1987 гг. пьесу сыграли снова – на сцене «Oda Tiyatrosu» («Комнатного театра») Культурного центра Ататюрка в Стамбуле.

В 1974 году Огуз Атай начал работать над новым романом, которому дал название «Türkiye'nin Ruhü» («Духовный мир Турции»). Он задумал его как серию из трех книг, разделив на три части: люди, государство, общество. Но закончить этот роман он не успел.

В 1975 году вышел сборник рассказов «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»).

В 1976 году состояние Огуза Атая ухудшилось. Головные боли не проходили. Врачи намекали на опухоль и для постановки более точного диагноза советовали ехать в Англию.

В декабре 1976 года Огуз Атай приехал в Лондон, сдал анализы и после результатов его немедленно положили в больницу, где через два дня 24 декабря провели операцию. Ему удалили только одну часть опухоли. Удалить

вторую часть было невозможно. Доктор, который проводил операцию, сказал, что Огузу осталось жить в лучшем случае год.

31 декабря 1976 года Огуз Атай был отправлен в другой госпиталь, где пробыл до 4 декабря. 17 декабря начались сеансы радиотерапии, которые продолжались около двух месяцев.

В середине марта, когда закончились сеансы, жизнь пришла в норму. Сильные головные боли отступили. В это время Огуз Атай пишет полуфантастический роман «Eylembilim» («Наука действовать»), который не успел опубликовать при жизни.

В сентябре 1977 года приступы головной боли появились вновь. Опухоль быстро увеличивалась, и врачи ничего не могли с этим сделать – ее невозможно было оперировать.

В октябре Огуз Атай вернулся в Стамбул. И вскоре 13 декабря 1977 года умер. Похороны прошли в четверг 15 декабря в Sultanahmet Camii (Мечети Султанахмет). Он был похоронен рядом со своей матерью на кладбище Edirnekapı Şehitliği в Стамбуле.

После его смерти в первые месяцы 1984 года вышло переиздание «Tutunamayanlar» («Неприкаянных») и «Tehlikeli Oyunlar» («Опасных игр»). Огуз Атай словно родился заново как писатель. Его пьесу «Oyunlarla Yaşayanlar» («Живущие играми») не только стали охотно ставить, но и впервые напечатали как книгу. В 1985 году друг за другом начали выходить новые издания сборника рассказов «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»).

Немного позже были опубликованы две его книги, не издававшиеся при жизни. В 1987 году вышел его дневник «Günlük» («Дневник»), который Огуз Атай вёл с 1970 года и до последних дней своей жизни; в 1998 году напечатали «Eylembilim» («Наука действовать»), который О. Атай не успел закончить.

Турецкий читатель вновь встретился с произведениями Огуза Атая и воспринял их с восторгом. Интерес к творчеству и биографии писателя

возрос. Начали выходить статьи и телевизионные программы о его жизни, его произведениях и воспоминаниями о нем.

В 2005 году была опубликована биография Огуза Атая «"Ben Buradayım..." Oğuz Atay'ın Biyografik ve Kurmaca Dünyası» («Я здесь... Реальная и вымышленная биография Огуза Атая»), подготовленная известным турецким филологом Йылдыз Эджевит.

С 2007 года литературная премия губернатора Кастамону носит имя Огуза Атая.

На основе романа «Tehlikeli Oyunlar» («Опасные игры») в 2009 году в театре «Seyyar Sahne» («Передвижная сцена») был поставлен спектакль с таким же название, который продолжает идти с большим успехом до сих пор⁴.

«Bir Bilim Adamının Romanı» («Роман одного ученого») был также адаптирован для сцены театром «Te Sahne» в 2012 году под названием «Bir Bilim Adamının Oyunu: Mustafa İnan» («Игра одного ученого: Мустафа Инан»)⁵.

Влияние Огуза Атая на последующие поколения турецких писателей неоспоримо. Мемет Байдур (1951 – 2001), Орхан Памук (1952), Букет Узунер (1955), Латифе Текин (1957), Элиф Шафак (1971) не раз заявляли о том, что на их творческий путь оказали большое воздействие произведения Огуза Атая.

Испытав огромное влияние западной литературы XX века, Огуз Атай, «революционизировав» турецкий роман, открыл путь для обогащения всей турецкой литературы.

⁴<http://www.seyyarsahne.com/oyunlar/tehlikeli-oyunlar/>

⁵http://www.tesahne.com/wordpress/?page_id=102

II. Сборник рассказов «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»)

Огуз Атай за свою относительно короткую жизнь выпустил всего один сборник рассказов – «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»). В первое издание 1975 года вошли семь рассказов: «Beyaz Mantolu Adam» («Человек в белом манто»), «Unutulan» («Забытый»), «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»), «Bir Mektup» («Письмо»), «Ne Evet Ne Hayır» (Ни да, ни нет»), «Tahta At» («Деревянный конь»), «Babama Mektup» (Письмо моему отцу»). Последний, восьмой, рассказ – «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон») – был опубликован уже после смерти писателя и занял свое место в сборнике только в 1987 году, когда было выпущено второе издание. Данный сборник полностью переведен на французский⁶, немецкий⁷ и итальянский⁸ языки.

В сентябре 1972 года в 96 выпуске журнала «Yeni Dergi» («Новый журнал») был опубликован первый рассказ Огуза Атая – «Mantolu Adam» («Человек в манто»), позднее переименованный в «Beyaz Mantolu Adam» («Человек в белом манто»).

Рассказ начинается на площади во дворе мечети, где главный герой, которого автор предпочел оставить безымянным, в рваной рубаше и рваных штанах, в резиновых галошах на босую ногу, прислонившись к стене, просит милостыню. Однако из-за того, что у него нет никаких способностей и особенностей, которые могли бы вызвать жалость или восторг у публики, он не имеет такого большого успеха, как его коллеги. Когда предоставляется возможность, он перестает просить милостыню и подрабатывает носильщиком. После этого главный герой бродит по оживленным улицам города. На одной из них он останавливается, увидев длинное белое женское манто с широким воротником и большими пуговицами, висящее на одном из

⁶Atay Oğuz. En guettant la peur. Traduit en français par Jocelyne Burkmann et Ali Terzioglu. – L'Harmattan, 2010. 282 p.

⁷Atay Oğuz. Warten auf die Angst. Asu dem Türkischen von Recai Hallaç. – Binooki, 2012. 223 S.

⁸Atay Oğuz. Aspettando la paura. A cura di Bellingeri G. – Lunargento, 2011. 232 p.

прилавков. Безмолвно поторговавшись с продавцом, отдав за манто всю мелочь, которую заработал утром, он бежит от шумной толпы, прячась в свою новую покупку. Таким странным загадочным видом он еще больше приковывает к себе внимание окружающих и, сам того не ожидая, помогает как продавцу расчесок и продавцу сигарет на мосту, так и людям из лавки тканей, использующим его в качестве «живого манекена», продать товар. Человеку в белом манто удастся лишь ненадолго найти спокойствие в тихом парке. Однако вскоре пожилой человек, оказавшийся с ним по соседству, просит довести его до остановки. И вновь улица, наполненная людьми, и вновь обрушившиеся на него оскорбления, упреки и косые взгляды. Человек в белом манто опять бежит – прямо к железнодорожной станции, на которой в полном безмолвии кассир дает ему билет на поезд во второй класс. Он выходит у моря. На пляже, куда он пришел, его моментально окружают отдыхающие. Лишь один молодой человек с длинными усами пытается ему помочь, пытается защитит от постепенно нарастающей толпы. Человек в белом манто не может это больше терпеть. Он поднимается с песка и идет прямо в море. Молодой человек с длинными усами начинает ему кричать, останавливать, но люди на пляже говорят: «Fazla ileri gitmez»⁹ («Слишком далеко не уйдёт»). Однако они ошибаются. Человек в белом манто заходит в море и больше не возвращается.

В ноябре 1972 года в журнале «Soyut» («Абстрактный») публикуется второй рассказ Огуза Атая – «Unutulan» («Забытый»). Он отличается от всех остальных вошедших в сборник рассказов. Это единственный рассказ О. Атая, где главным героем является женщина. Однажды, отправившись на чердак за старыми книгами, она находит там, среди «забытых» и покинутых вещей мертвое, покрывшееся пылью, но при этом хорошо сохранившееся тело своего бывшего возлюбленного. Много лет назад после ужасной ссоры он поднялся на чердак и покончил с собой. До этого мгновения женщина думала, что он просто ушел. Держа фонарь и наблюдая за жуками, которые

⁹Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 25

растаскивают по кусочкам его тело, она погружается в прошлое. И лишь голос ее нового возлюбленного заставляет очнуться от этого забвения.

Третий рассказ – «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха») – был написан в том же 1972 году. Но из-за большого объема возникли сложности с публикацией, поэтому он увидел свет только в 1973 году в «Sinan Yıllığı» («Ежегоднике Синана»).

С первых строк произведения автор погружает нас в довольно мрачную атмосферу: «Dün gece eve dönerken köpekler arkamdan havladı. Bizim mahallenin köpekleri. Bir ikisi de peşime takıldı; adımlarımı sıklaştırdım»¹⁰ («Прошлой ночью, когда я возвращался домой, позади меня лаяли собаки. Наши квартальные собаки. Две из них увязались за мной, я ускорил шаг»). Это главный герой, имя которого ни разу не упоминается на протяжении всего рассказа, возвращается ночью по безлюдной улице к себе домой. Он живет один вдалеке от центра города, «в пятидесяти пяти шагах от места, где кончается мостовая»¹¹, на улице, где расположено всего три дома.

В эту ночь спокойная одинокая жизнь, к которой он привык, нарушается – он обнаруживает у себя странный конверт без подписи, в котором находит письмо на непонятном для него языке. Главный герой начинает рассуждать, кто мог оставить этот конверт, и, вспомнив своего друга-преподавателя в университете, занимающегося мертвыми языками, отправляется к нему за советом. Выясняется, что в этом письме, написанном одной из тайных сект, говорится следующее: «Sayın beyefendi ya da efendim, üstadım, ustam, bayım gibi bir şey. ... Mektubu aldığınız andan itibaren evinizden hiç çıkmamanızı size kesinlikle bildiririz. Dikkat! ya da sizi uyarınız! dikkatinizi çekeriz! ... İmza yerine ÜSTÜN-YOL ya da değerli tarikat filan»¹² («Уважаемый, господин, эфенди, учитель, мастер, бей или что-то в этом духе. ... Мы категорически предупреждаем Вас о том, чтобы Вы совсем не выходили из дома с момента, как получите письмо. Внимание! или мы Вас предупреждаем! обратите

¹⁰Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 35

¹¹Ibid., S. 36

¹²Ibid., S. 47

внимание! ... Или что-то типа счастливого пути вместо подписи ÜSTÜN-YOL»).

Теперь главный герой думает только о письме и тайной секте – ему кажется, что угроза в письме адресована лично ему и что тайная секта непременно придет за ним, если он не будет следовать указаниям. Поэтому он перестает ходить на работу и фактически запирает себя в своем собственном доме. Два дня он не осмеливается выйти даже в сад, но не выдержав такого существования, все таки выходит, оправдывая свой поступок тем, что сад – это часть дома. Так он живет, размышляя о тайной секте и поддерживая связь с «внешним миром» через помощника бакалейщика, который привозит ему еду и сигареты. За это время по соседству с его домом начинаются строительные работы – сначала одна бригада сносит старый дом, затем другая копает яму. Главный герой наблюдает за рабочими, беседует с ним, а когда они уходят, вновь остается один на один со своими мыслями и трещиной, идущей из под фундамента, которую он обнаруживает во время одной из своих многочисленных прогулок по саду. Другие, с кем ему приходится разговаривать во время своего заточения: это сотрудники банка, которые приходят, чтобы поздравить главного героя с выигрышем и сделать пару фотографий, и врач, которого он сам вызывает в надежде на то, что тот положит его в психиатрическую лечебницу, так как «başka türlü bu evden dışarı çıkacağı yoktu»¹³ («другой возможности выйти из этого дома не было»). Он просит доктора увезти его отсюда, потому что не может больше находиться в этом доме, на что получает отрицательный ответ. После этого он решает сжечь дом, надеясь тем самым освободиться от этих оков. И вот когда он уже расстелил газету и начал распылять газ, он вдруг видит заголовок статьи: «Bir gizli mezhebin mensupları, ayin yaparken yakalandı»¹⁴ («Члены тайной секты были схвачены, когда совершали свои ритуалы). Эта секта носит уже знакомое ему имя –

¹³ Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 88

¹⁴ Ibid., S. 91

Ubor Metenga. Герой рассказа выходит из дома и, сняв номер в отеле, не приходит домой два дня. Когда он все-таки решается вернуться к себе домой, то видит перед домом толпу людей – его дом рухнул. Теперь у него нет дома. Он остается жить у своих родственников.

За время, проведенное в отеле, ему в голову приходит мысль о женитьбе. Но даже обручившись, герой не находит душевного покоя: «Yalnız olduğum gecelerde, baş başa yemek yiyen çiftlerden bir ikisini izledim. Evet, onlar başkaydı. ... Öfkeleniyordum»¹⁵ («В вечера, когда я был один, я наблюдал за несколькими парочками, ужинающими наедине. Да, они были другими. ... Я сердился»). Он решает отомстить им – рассылает письма с угрозами, с тем же самым текстом, который получил он сам, рассчитывая на то, что люди будут, так же как и он, трясаясь от страха, сидеть дома. Но, к его удивлению, этого не происходит. В конце рассказа герой, избавившись от страха, приходит в полицию и признается в том, что писал письма с угрозами определенным людям.

9 декабря 1974 года Огуз Атай написал в своем дневнике: «... üç hikâyeyi bitirdim»¹⁶ («... я закончил три рассказа»). Это были «Bir Mektup» («Письмо»), «Ne Evet Ne Hayır» («Ни да, ни нет») и «Tahta At» («Деревянный конь»).

«Bir Mektup» («Письмо») – это рассказ человека, живущего одинокой ничем не примечательной жизнью. Главный герой пишет письмо своему шефу, который, пожалев, дал ему работу. При каждом удобном случае он выражает ему свое почтение и преданность, а также постоянно приносит извинения, преуменьшая себя. Он пишет о вещах, которые не касаются его начальника: рассказывает о своей собаке, любимой женщине и человеке, которого называет «Üçüncü Şey» («Третья вещь»). Это письмо не для шефа, это письмо герой пишет для самого себя. Все мысли и чувства, которые он описывает, он не может выразить в реальной жизни – ему просто не с кем

¹⁵Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 96

¹⁶Atay Oğuz. Bütün eserleri 6. Günlük. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1987. S. 104

ими поделиться. И в этот раз главный герой не решается раскрыть свою душу другому человеку, он оставляет письмо без подписи и никому не отправляет.

«Ne Evet Ne Hayır» («Ни да, ни нет») – второй рассказ, написанный в форме письма. Однако он начинается не с самого письма, а с представления того человека, которому оно было отправлено. Это журналист, который ведет колонку в газете, помогая людям найти выход в сложных душевных ситуациях. Далее следует письмо, которое он однажды получил и которое его очень тронуло. Автор письма, юноша двадцати четырех лет, честно и подробно описывает все события, которые произошли между ним и девушкой, которую он долго любил. За это время он много раз делал ей предложение и каждый раз не получал от нее никакого ответа – «ни да, ни нет». В конце рассказа герой, несправедливо обвиненный, попадает в тюрьму и узнает о том, что его любимая обручилась с другим. Каждый день думая о ней, он не находит другого выхода, кроме как написать в газету и попросить помочь ему. Он спрашивает, что следует сделать, чтобы изменить эту ситуацию. Журналист отвечает: «Ничего».

«Tahta At» («Деревянный конь») – один из двух рассказов, где Огуз Атай дает имена своим персонажам. Действие разворачивается в небольшом прибрежном городе, власти которого хотят установить на руинах Деревянного коня, сделав его тем самым своеобразным напоминанием исторического значения этого места. Главный герой, Тугрул Тузджуоглу, выступает против этой идеи и всячески старается помешать установке статуи. Противостояние жителей города, которые надеются, что Деревянный конь принесет им материальную выгоду, и Тугрула выливается в открытый конфликт. В отличие от героев остальных рассказов О. Атая, которые в основном пассивны и ведут борьбу скорее внутри себя, сами с собой, чем с окружающим их миром, Тугрул Тузджуоглу борется в реальности. Он напоминает Кассандру, которая предупреждала об опасности Троянского коня и всеми силами пыталась противостоять его введению в Трою, но ее, так же

как и Тугрула, никто не слушал. Аналогия с Троянским конем в рассказе встречается повсеместно: начиная от самого названия и заканчивая концовкой, когда Тугрул прямо во время церемонии открытия выходит из Деревянного коня, как ахейские воины выходили из Троянского.

«Babama Mektup» («Письмо отцу») – это последний, седьмой по счету рассказ, который вошел в первое издание сборника, выпущенное в 1975 году. Он представляет собой письмо сына к своему отцу, который умер два года назад. В нем главный герой выражает все, что не мог или не решался сказать отцу при жизни, все, что он чувствует по отношению к нему, начиная от упреков и гнева и заканчивая любовью. Он пишет о тоске, которую испытывает, вспоминает о своей матери, о еде, которую его отец любил, о том, что между ними не было тёплых близких отношений, какие обычно бывают между отцом и сыном, о том, что его отец был эгоистом и этот эгоизм он видит в себе. Главный герой всю жизнь боялся быть похожим на своего отца, но в конце концов он признает, что мало чем от него отличается.

Последний рассказ – «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон») – не вошел в первое издание сборника. Огуз Атай начал писать его в 1976 году в Стамбуле и закончил в 1977 г., находясь на лечении в Лондоне. Незадолго до своей смерти он послал этот рассказ в журнал «Türk Dili» («Турецкий язык»), где он был опубликован в выпуске за январь 1978 года, уже после смерти писателя. Однако журнал опубликовал исправленный в некоторых местах текст и изменил оригинальное название рассказа на «Demiryolu Öykücüleri – Bir Düş» («Железнодорожные рассказчики – сон»)¹⁷. Этот рассказ занял своё место в сборнике только во втором издании, выполненным İletişim Yayınları в 1987 году.

Рассказ начинается с таких строк: «Ülkenin büyük şehirlerden uzak bir dağbaşı kasabasında, bir demiryolu istasyonunda çalışan üç hikâyeciydik. İstasyon binasına bitişik yan yana üç kulübemiz vardı. Ben, genç Yahudi, bir de genç kadın.

¹⁷ Арабские слова «hikâyesi» («рассказчик») и «rüya» («сон») были заменены на турецкие «öyküsü» («рассказчик») и «düş» («сон»).

Seyyar hikâye satıcılığı yapıyorduk»¹⁸ («Мы были тремя рассказчиками, работавшими на железнодорожной станции в далеком от больших городов горном поселке. У нас были три хижины рядом друг с другом, смежные со зданием станции. Я, молодой еврей и еще одна молодая девушка. Мы продавали дорожные рассказы»). Каждую ночь они проталкивались между торговцами едой к экспрессу, приходившему после полуночи, и при плохом освещении пытались продать свои только что напечатанные рассказы. Они должны были писать рассказы каждый день, потому что в них затрагивались актуальные темы, которые быстро устаревали. Пассажиры спальных вагонов всегда охотно покупали эти рассказы, потому что «ülkede taze olarak hikâye satılan tek istasyon olduğu için bizim ünümüzü de duymuşlardı»¹⁹ («они слышали о нашей славе из-за того, что это была единственная станция в стране, на которой продавались свежие рассказы»). Начальник станции, который выполнял на ней практически всю работу, называл их «служебными рассказчиками», так как они жили и работали на территории, находящейся в ведении администрации железной дороги. Рассказчики были против такого сравнения, так как считали себя скорее художниками, чем служащими. Постепенно их положение начало ухудшаться. Открылась новая железная дорога, и на старую станцию поезда начали приходить всего один раз в неделю. События, происходившие в стране, будто обходили эту станцию стороной: никто не знал, когда закончилась война, на чьей территории она проходила, и кто одержал победу. Со временем люди, работавшие на станции, перестали разговаривать друг с другом и практически все делали молча. Однажды заболел еврей. Денег на его лечение не было, и вскоре он умер. Тогда же «однажды» любимая девушка главного рассказчика села в поезд и уехала с этой станции. Его читатель тоже уехал – поезда перестали ходить совсем. И вот сейчас, оставшись один, он продолжает писать рассказы, даже несмотря на то, что уже никому не может их продать. Он пишет для своего

¹⁸ Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 185

¹⁹ Ibid., S. 188

читателя, надеясь, что когда-нибудь он узнает его новый адрес и сможет все ему рассказать, всем поделиться. Заканчивая рассказ, он спрашивает: «Ben buradayım sevgili okuyucum, sen neredesin acaba?»²⁰ («Я здесь, дорогой мой читатель, интересно, а где ты?»).

²⁰Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 196

III. Особенности новеллистики Огуза Атая

Уже в первых трёх опубликованных рассказах Огуза Атая – «Beyaz Mantolu Adam» («Человек в белом мантио»), «Unutulun» («Забытый»), «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха») – начинают просматриваться общие мотивы: одиночество, страх, недоверие, отчужденность и др. Все это очень напоминает Франца Кафку, с творчеством которого Огуз Атай был хорошо знаком.

Франц Кафка родился 3 июля 1883 года в Праге. При жизни публиковался мало, после смерти в 1924 году под редакцией Макса Брода, которого Ф. Кафка попросил сжечь все его неопубликованные рукописи, были изданы три романа: «Процесс» в 1925 году, «Замок» в 1926 году, «Америка» в 1927 году. На сегодняшний день литературное наследие Ф. Кафки включает в себя, помимо трех вышеупомянутых романов, его дневники, письма, а также сборники рассказов.²¹

Еще в ранних произведениях Ф. Кафки, в том числе в известной новелле «Превращение», проявляется главная концепция его творчества – концепция абсолютного и тотального одиночества. В романе «Процесс» человек оказывается одиноким из-за положения обвиняемого, в «Замке» – из-за того, что является чужаком, в «Америке» – из-за того, что, как и во многих произведениях Франца Кафки, главный герой предоставлен чужому и враждебному ему миру. При этом это человек, закрытый от внешнего мира. Писатель не описывает героя со стороны, а будто сам растворяется в своем герое. У него нет внешней борьбы, но присутствует борьба внутренняя – в психике, в подсознании, которая и создает напряжение в прозе. Жизнь дана человеку в наказание, которое он должен нести до конца своих дней, борясь сам с собой, разрушая сам себя.

Произведения Ф. Кафки несут в себе черты экзистенциализма. «Экзистенциальный компонент человеческого сознания – один из самых устойчивых в личностном самопознании человека в мире. Можно

²¹Затонский Д.В. Франц Кафка и проблемы модернизма. – М., Высшая школа, 1972. С. 30

утверждать, что возникновение его связано с тем моментом, когда человек впервые осознал себя в мире, задумался о собственном существовании в нем»²². В 20 веке, когда произошла переоценка ценностей, прежний мир перестал существовать и появился новый – без бога и без дьявола, сформировалось философское и литературное направление – экзистенциализм.

«Экзистенциализм (лат. *existentia* – существование) – направление в западноевропейской (преимущественно французской) и американской литературе 1940-1960-х, тесно связанное с одноименной философской школой, сложившейся в Германии и Франции в период между первой и второй мировой войной»²³. Однако экзистенциализм нельзя вместить в какие-либо определенные временные рамки.

Ещё в начале XIX века С. Кьеркегор с его интересом к внутреннему миру обычного человека, самого простого, чувством страха и одиночества, идеей «я - другой» стоял у истоков экзистенциализма. Произведения Ф.М. Достоевского также оказали влияние на становление экзистенциального сознания. Однако его героям, находясь в пограничной кризисной ситуации, удается сохранить свою личность благодаря вере, что нарушает экзистенциальный «мир без Бога». Впервые «Бог умер» у Ф. Ницше в его книге «Веселая наука», вышедшей в 1882 году. Как и другие его произведения эта книга несет в себе прообраз нового философско-художественного сознания. Затем эти идеи продолжили развивать уже в XX веке в Германии Карл Ясперс (1883 – 1969) и Мартин Хайдеггер (1889 – 1976), а во Франции – Жорж Бернанос (1888 – 1948), Жан-Поль Сартр (1905 – 1980) и Альбер Камю (1913 – 1960). Экзистенциализм начинает закрепляться в культуре и постепенно становится массовым, превращаясь в культурную норму.

²² Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. – М., Флинта, Наука, 2002. С. 23

²³ «Экзистенциализм» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М., НПК «Интелвак», 2001. С. 1218

Экзистенциализм не ограничивается только литературным или философским направлениями. Любой, кто выходит за пределы обыденного поверхностного восприятия жизни и пытается познать сущности бытия, вступает на путь экзистенциализма. Здесь нет никаких национальных, культурных и исторических границ.

Внимание экзистенциализма сфокусировано на человеке, который рождается не по своей воле и не имеет возможности всячески этому противостоять. Экзистенциальный человек подвержен страху, внезапным иррациональным порывам.

Постижение сущности бытия возможно только через пограничную ситуацию: «замкнутое пространство внешнего мира, помноженное на пространство замкнутого в себе Я»²⁴. Это «Я» и становится основным объектом внимания экзистенциализма. Чтобы постигнуть свое «Я», надо попасть в пограничную ситуацию, которую человек не может сам контролировать и изменить, например, война, болезнь, смерть близкого и т.д. Художественными приемами, характерными для экзистенциализма, являются экстремальная ситуация, пограничная с жизнью и смертью, рациональным и иррациональным, психологический эксперимент, поток сознания и др. «Внешний мир» всегда катастрофичен, находится в кризисном состоянии. Всегда присутствует конфликт: бытия и ничто, человека и вещей, своего собственного «Я» и другого.

Отношения между внешним миром и человеком лучше всего могут быть охарактеризованы как отчуждение, причем отчуждение не только от внешнего мира, но и от самого себя, от собственного «Я». Еще одной темой, важной для экзистенциального сознания, является вопрос жизни и смерти, который изначально был решен не в пользу человека. Смерть для человека – это начало истинной свободы. Она лишена романтических иллюзий и говорит прямо – необходимо осознать конечность своего бытия, мир абсурден. Но человек все равно должен бунтовать против своей участи, хотя и знает, что

²⁴ Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. – М., Флинта, Наука, 2002. С. 30

такая борьба бесполезна. Отсюда вытекают причины его одиночества и обособленности от окружающего мира.

Рассказы Огуза Атая пропитаны одиночеством. Тема отчуждения современного человека, человека, живущего обособленно внутри современного города, внутри толпы, присутствует практически во всех произведениях О. Атая. Главный герой «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»), общаясь с другими людьми, чувствует, что его никто не понимает, он даже смирился с этим: «Beni anlamıyorlardı. Zarar yok. Zaten beni, daha kimler anlamadı»²⁵ («Они меня не понимали. Ничего. Меня уже никто не понимал»). Поэтому он сознательно бежит от людей. Пытается сбежать от людей и человек в белом манти, герой одноименного рассказа Огуза Атая «Beyaz Mantolu Adam» («Человек в белом манти»). Этот мужчина, живущий своей жизнью и старающийся не мешать другим, хочет спрятаться от всего внешнего мира в белое манти, которое видит на одном из прилавков. Но чем больше он пытается избегать людей, тем больше привлекает к себе их внимание: «Parktan çıkarken gene peşine takıldılar. Önce çocuklar. Durağa oldukça kalabalık gelir. “Allah belâsını versin bu pis yabancılardan,” - dedi birisi; gömleğini pantolonunun üstüne çıkarmış, bütün yüzü bıyık içinde kara bir adam»²⁶ («Когда выходили из парка, к нему вновь прицепились. Сначала дети. Довольно много людей пришло на остановку. «Да покарает этих грязных иностранцев Аллах», – сказал один из них, грубый человек с усами на все лицо, выпустивший рубашку поверх брюк»). Эти люди, сами того не понимая, толкают его на самоубийство. Когда человек в белом манти, раскинув руки, кормил голубей в парке, молодые люди, наблюдавшие за ним, сравнили его с христианским распятием. Такое сопоставление с Иисусом, который был так же гоним и так же не понят обществом своего времени, указывает на то, что человек в белом манти, погубив себя, стал искупительной жертвой за грехи смеющихся над ним людей. В начале

²⁵ Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 73

²⁶ Ibid., S. 23

рассказа «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон») главный герой не страдает от одиночества: у него есть работа, начальник станции, друг – молодой еврей и любимая девушка. Однако со временем его состояние начинает меняться: «İçimin yorulduğunu hissediyorum. Her gece yarısı yarım kalan uykular, tren düdükları, anlayışsız ve cahil ya da rahat ve kendini beğenmiş bir müşteri kalabalığına yeni hikayeler bulma zorunluluğu, hastalığı gittikçe ağırlaşan genç yahudi ve gittikçe huysuzlaşan istasyon şefimiz... hangi tarafa yetişeceğimi bilemiyordum»²⁷ («Я чувствовал, что устал. Незаконченные сны каждую полночь, гудки поездов, необходимость искать новые истории для толпы бестолковых, невежественных или любивших себя и свой покой клиентов, молодой еврей, болезнь которого постепенно становилась все более серьезной, и наш начальник станции, который становился все невыносимее... я не мог знать, куда меня это приведет»). И к концу рассказа главный герой остается один на уже давно пустой и забытой всеми железнодорожной станции.

Рассказчик потерял своего читателя. Поезда уже не ходят, но он продолжает писать, сочинять свои рассказы, пусть даже только в голове, пусть даже их никто не читает. Он думает о своем читателе, ему страшно от того, что никого больше не осталось из его прежних клиентов, и он переживает, купит ли хотя бы кто-нибудь его рассказы, прекрасно понимая, что уже никто их не купит. Он чувствует потребность в писательстве, в выражении себя и своих чувств и обращается к своему читателю: «Ama gene de ona yazmak, her onun için yazmak, ona durmadan anlatmak, nerede olduğumu bildirmek istiyorum. Ben buradayım sevgili okuyucum, sen neredesin acaba?»²⁸ («Но я вновь хочу написать ему, написать для него все, безостановочно рассказывать ему, сообщить, где я был. Я здесь, дорогой мой читатель, интересно, а где ты?»). В рассказе «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха») присутствуют как читатель, так и писатель, которые совмещены в

²⁷Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 193

²⁸Ibid., S. 196

лице одного персонажа – главного героя. Изначально главный герой является лишь читателем – он читает письмо на неизвестном ему языке, присланное анонимно. К концу рассказа, решая отомстить всем счастливым людям, живущим обычной жизнью, он сам становится писателем – он пишет письма по образу и подобию того, которое получил сам, и рассылает по заданным адресам. Однако такая месть ему не удаётся, никто попросту не обращает внимания на эти странные письма. Здесь проявляется ироничное отношение к писательскому мастерству, показывающее, что ни писатель, ни литература не могут существовать без читателя.

Одиночество героев Огуза Атая ведет к тому, что они теряют связь с окружающим их миром и людьми. Рассказчик с железнодорожной станции сначала теряет связь с жизнью вне станции: «İstasyon dışındaki dünya ile ilişkilerim de gittikçe zayıflıyordu. Günlerin nasıl geçtiğini izleyemiyordum artık. Hikâyelerim için güncel olaylar bulmakta, insanları ve maceraları birbirine bağlamakta eski becerim kalmamıştı. Önemli olayları bile öğrenemiyordum çoğu zaman»²⁹ («Постепенно мои отношения с миром за пределами станции слабели. Я уже не мог наблюдать за тем, как проходят дни. У меня не осталось старых способностей находить актуальные события для рассказов, связывать друг с другом людей и приключения. Часто я не мог даже узнать о важных событиях»). А затем теряет связь с теми, кто был ему близок все это время – с молодым евреем и любимой девушкой: «Bütün gün odamdan çıkmadan yazıyordum. Yalnız bitişikteki kunduracının gürültüsü aklımı karıştırıyordu. Çünkü artık genç yahudi yoktu; bir süre önce ölmüştü. ... genç kadın bir süre önce gitmişti»³⁰ («Я писал, целыми днями не выходя из своей комнаты. Только шум сапожника по соседству путал мои мысли. Потому что не было уже молодого еврея; он умер некоторое время назад. ... молодая девушка ушла некоторое время назад»). Герой «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха») так же имея в жизни работу и друзей, благодаря полученному

²⁹ Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 193

³⁰ Ibid., S. 194

письму, постепенно отдаляется от всего, что связывает его с нормальной жизнью. Время от времени его маленький одинокий мир нарушают внезапно появившиеся в ней люди, которые так же внезапно исчезают. Человек в белом манто одинок изначально, он сам по себе, у него нет никаких социальных связей. И эти связи в процессе развития рассказа никак не могут наладиться, главный герой сам не хочет их налаживать, он слишком отличается от окружающих его людей, поэтому они тоже не особо заинтересованы в установлении с ним социального контакта.

Такой образ жизни героев Огуза Атая ведет к отстраненности и к потере навыка говорения. У героя «Korkuyu Beklerken» (В ожидании страха) полная отстранённостью начинается с того момента, когда однажды проснувшись утром, он решил никуда не ходить: «Bugün canım işe gitmek istemiyor, diye düşündüm. Bir kere de iş gününde tembellik etsem ne olur? Bir deneme olur»³¹ («Сегодня мне не хочется идти на работу, - подумал я. Если я проленюсь один рабочий день, что случится? Стоит попробовать»). После этого он запирает сам себя в собственном доме. Герой «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон») также начинает терять потребность в разговорах с окружающими его людьми: «Her gün yazmak zorunda olduğum hikâyelerin dışında kalan kelimeleri hatırladığımdan da kuşkuluydum. Yiyecek satıcılarıyla konuşmuyorduk. İstasyon şefi de aksiliğini artık yalnızca hareketleriyle ifade eder olmuştu»³² («Каждый день я был обеспокоен тем, что вспоминал слова, оставшиеся за пределами рассказов, которые вынужден был писать. Мы не разговаривали с торговцами едой. Начальник станции наконец тоже стал выражать свое недовольство одним жестом»). А человек в белом манто за весь рассказ не произнес ни одного слова.

Жизнь у них начинает идти как во сне. Они утрачивают ощущение времени и пространства. Герой, получивший письмо с угрозой в рассказе «Korkuyu Beklerken» («В ожидании страха»), заперев себя в доме, поначалу

³¹ Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 51

³² Ibid., S. 194

ещё считает дни – сколько прошло с того момента, как он принял такое решение. Затем счёт дням теряется: «Bakkala iki üç gündür (kaç gün olduğunu tam bilemiyorum) kapıyı açmıyorum gene»³³ («Вновь я не открываю дверь бакалейщику вот уже несколько дней (не могу знать точно, сколько дней)»). К такому же состоянию со временем приходит и герой другого рассказа Огуза Атая «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон»). Вся характеристика пройденных жизненных периодов у него начинает сводиться к «некоторому времени»: «Bir gün – yani bir süre sonra – bir yolcu daha önce – bir süre önce – kendisine satmış olduğum hikâye hakkında ağır eleştirilerde bulundu. Sayfa numaraları da karıştı. Ben de ona bir haftadır aç olduğumu söyledim. Hayır söylemedim. Bunu başka bir yolcuya – bir süre sonra – söyledim»³⁴ («Однажды – то есть некоторое время спустя – пассажир, который раньше – некоторое время назад – в отношении рассказа, который я продал ему, высказал резкую критику. Пронумерованные страницы перемешались. Я сказал ему, что уже неделю голодный. Нет, я не сказал. Я сказал это другому пассажиру – некоторое время спустя»). Человек в белом манти будто изначально находится во сне. Не проронив ни слова, он бродит по многолюдному городу, сам не зная, куда идёт и чего хочет.

В большинстве своих рассказов Огуз Атай использует «поток сознания» – прием в литературе XX века преимущественно модернистского направления, непосредственно воспроизводящий душевную жизнь, переживания, ассоциации героя. В произведениях, использующих «поток сознания», «до предела обострено внимание к субъективному, потайному в психике человека»³⁵, характерно также нарушение традиционного повествования и смещение временных рамок. Впервые этот термин был употреблен в конце XIX века американским философом и психологом Уильямом Джемсом (1842 – 1910) в книге «Научные основы психологии»,

³³ Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 89

³⁴ Ibid., S. 195

³⁵ «Поток сознания» // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М., Советская энциклопедия, 1987. Стр. 292

вышедшей в 1890 году: «Мы то видим, то слышим, то рассуждаем, то хотим, то вспоминаем, то ожидаем, то любим, то ненавидим; и мы знаем, что наши сознания заняты попеременно сотнею других способов. ... Мышление кажется для каждого личного сознания заметно непрерывным. ... Сознание никогда не рисуется самому себе раздробленным на куски. Выражения вроде «цепи» или «ряда» не рисуют сознания так, как оно представляется самому себе. В нем нет ничего, что могло бы связываться, — оно течет. Поэтому метафора «река» либо «поток» всего естественнее рисует сознание. Поэтому позвольте нам впредь, говоря о нем, называть его "потокотом мысли", "потокотом сознания", "потокотом субъектной жизни"»³⁶. Первым произведением, написанным с применением «потока сознания», считается роман «Лавры сорваны» 1887 года Эдуара Дюжардена (1861 – 1949). Со временем «поток сознания» превратился «из реалистического художественного приема в метод изображения жизни, претендующий на универсальность».³⁷ Этот прием активно использовали западные авторы начала XX века: Марсель Пруст (1871 – 1922), Гертруда Стайн (1874 – 1946), Вирджиния Вульф (1882 – 1941), Джеймс Джойс (1882 – 1941). Последний, чей роман «Улисс» 1922 года является центральным сочинением «потока сознания», в своих произведениях продемонстрировал различные формы внутренней речи — он переходил от традиционного внутреннего монолога до буквальной регистрации мыслей на нескольких страницах, употребляя лишь один раз знак препинания.

Неудивительно, что Огуз Атай, хорошо знавший западную литературу, в своем творчестве охотно прибегал к «потокоту сознания». Так главный герой, оставшись наедине с собой, рассуждает: «Az kaldı unutuluyordum: Demokrasi, plutokrasi, aristokrasi (başka bir krasi var mıydı?) Mahalle muhtarlarının görevleri şunlardır: Seçim kütüklerini düzenlemek, Bakanlar Kurulu da üç kuvvetten biridir:

³⁶Джемс У. Научные основы психологии. – СПб, Санкт-Петербургская Электротечатня, 1902. Стр. 115 – 120

³⁷«Поток сознания» // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М., Советская энциклопедия, 1987. Стр. 292

Yürütme kuvveti. Ayrıca, yasama kuvveti ile yargı kuvveti vardır. Buenos Aires, Arjantin'in başkentidir. Ben en çok Londra'ya gitmek isterdim. İngiltere, demokrasinin beşiğidir. Bir keresinde, bir uçak şirketinde çalışırken bedava bir bilet ayarlamıştım, fakat döviz alacak parayı denkleştiremedim. (Daha konuş, daha konuş, iyi oluyor, hafızan bileniyor.) Üç çeşit hafıza vardır: Göz hafızası, kulak hafızası, el hafızası...»³⁸ («Я чуть не забыл: демократия, плутократия, аристократия (были ли другие кратии?) Вот обязанности квартальных старост: регулировать выборные списки, Совет министров – тоже одна из трех властей: исполнительная власть. Кроме того, есть судебная власть с законодательной властью. Буэнос-Айрес – столица Аргентины. Я очень хотел бы поехать в Лондон. Англия – колыбель демократии. Однажды, когда я работал в авиакомпании, я устроил себе бесплатный билет, но не смог найти необходимое количество денег, чтобы купить валюту. (Говори еще, говори еще, хорошо идет, твоя память старается). Есть три вида памяти: память глаз, память ушей, память рук...»)

«Поток сознания» у Огуза Атая чередуется с обычным повествованием, что вызывает затруднения в понимании, где происходит смена нарратора. Эта особенность проявляется в сцене, когда к главному герою приходят из банка. Читатель может различить, какой персонаж говорит, только по контексту: «Beyefendi, bankadaki hesabınıza büyük bir ikramiye çıktı. Efendim? Sevinmeliyim, beklemediğim bir olay bu. Gülümsemeye çalıştım; fakat, sadece yüzümü çarpıtabildim galiba. Verecek misiniz? Neyi? Parayı. Bankaya kadar zahmet etmez misiniz? Edemem, işim var»³⁹. («Господин, большой выигрыш отправился на Ваш счет в банке. Что? Я должен радоваться, это случай, которого я не ожидал. Я попытался улыбнуться; но, должно быть, смог только соорудить гримасу. Вы дадите? Что? Деньги. Вы не затруднитесь потерпеть до банка? Я не могу потерпеть, у меня есть дело»).

³⁸ Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 82

³⁹ Ibid., S. 72

Время от времени внутренний монолог переходит в диалог самим с собой. Герой подтверждает это сам с легкой иронией, также присущей большинству произведений Огуза Атая: «Hırsla ayağa kalktım. Benim bu saçmalığı ciddiye alacağımı da bilemezler ya. Kendi kendime konuştuğumu nasıl öğrendiler? İnsanın iç dünyası üzerine bilgileri varmış, iyi adam seçtiniz!»⁴⁰ («Я с гневом встал. Да они не могли же знать, что я серьезно отнесусь к этой глупости. Как они узнали, что я разговариваю сам с собой? Должно быть, у них были сведения о внутреннем мире человека. Вы выбрали подходящего человека!»). Иногда он обращается к себе во множественном числе – «мы», сам же удивляясь, пытается объяснить это: «Nedir bu başımıza gelenler? dedim Biz sözüyle ne demek istediğimi bilmiyordum. Herhalde, kendimi çok yalnız hissettiğim için 'biz' dedim»⁴¹ («То, что свалилось на нашу голову, что же это? – спросил я. Я не знал, что хотел сказать словом «мы». По всей вероятности, я сказал «мы» из-за того, что чувствовал себя очень одиноким.»)

Огуз Атай благодаря своему тесному знакомству с западной и турецкой литературой, взял оттуда кажущиеся ему полезными элементы и превратил писательское дело в игру, смешивая различные приемы, делая восприятие читателем текста более сложным. Возможно, именно с этим связано то, что его творчество до конца XX – начала XXI века мало изучалось. Сегодня произведениям Огуза Атая уделяется все больше и больше внимания, по его романам и рассказам ставятся спектакли и снимаются фильмы.

⁴⁰Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. S. 48

⁴¹Ibid., S. 91

Заключение

Огуз Атай создал произведения, имеющие большое значение для современной турецкой литературы. Они являются своеобразной точкой отсчета перехода от модернизма к постмодернизму. Его творчество повлияло на современное поколение турецких писателей, среди которых Адалет Агаоглу, Орхан Памук и Латифе Текин.

В данной работе были переведены на русский язык рассказы «Beyaz Mantolu Adam» («Человек в белом манти») и «Demiryolu Hikâyecileri – Bir Rüya» («Железнодорожные рассказчики – сон»). Автор работы попытался в переводе передать авторские, индивидуальные стилистические особенности языкового материала, что было не просто из-за использования Атаем модернистских приемов письма.

Рассмотрены особенности использования Огузом Атаем таких приемов, как внутренний монолог, «поток сознания», переходящий во внутренний диалог с самим с собой, и основные мотивы его новеллистики: одиночество, утрата связи с окружающим миром, отстраненность от жизни до потери навыков говорения, утрата времени и пространства, жизнь как сон.

Источники:

1. Atay Oğuz. Bütün eserleri 4. Korkuyu Beklerken. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1984. 202 s.

Использованная литература:

2. Джемс У. Научные основы психологии. – СПб, Санкт-Петербургская Электротечатня, 1902. 370 с.
3. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. – М., Флинта, Наука, 2002. 302 с.
4. Затонский Д.В. Франц Кафка и проблемы модернизма. – М., Высшая школа, 1972. 135 с.
5. Мотылева Т.Л. Зарубежный роман сегодня. – М., Советский писатель, 1966. 427 с.
6. Образцов А.В., Сулейманова А.С. Постмодернистский ответ Орхана Памука на модернистский вызов Огуза Атая // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Сборник статей к 75-летию В.Г. Гузева. – СПб.: РХГА, 2014. С. 165-183.
7. Образцов А.В., Сулейманова А.С. «Билиг Тенюз» Огуза Атая: между мистификацией и пародией // Российская тюркология. № 1(12). – Москва-Казань, 2015. С. 55-63.
8. «Поток сознания» // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., Советская энциклопедия, 1987. С. 292.
9. Трещев В. Экзистенциализм. Репрезентация в художественной культуре Франции и Германии 1900 – 1970 гг. – СПб, Алетейя, 2008. 156 с.
10. «Экзистенциализм» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М., НПК «Интелвак», 2001. С. 1218
11. Atay Oğuz. Bütün eserleri 6. Günlük. – İstanbul, İletişim Yayınları, 1987. 287 s.
12. Ecevit Yıldız. "Ben Buradayım..." Oğuz Atay'ın Biyografik ve Kurmaca Dünyası. – İstanbul, İletişim Yayınları, 2005. 580 s.

Интернет-ресурсы:

13. http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=19184&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.
Дата обращения – 01.06.2016.
14. <http://www.seyyarsahne.com/oyunlar/tehlikeli-oyunlar/>. Дата обращения – 01.06.2016.
15. http://www.tesahne.com/wordpress/?page_id=102. Дата обращения – 01.06.2016.

Приложение 1

Beyaz Mantolu Adam

Страница 11

Kalabalık bir topluluk içindeydi. Başarısızdı. Parası yoktu. Dileniyordu. Caminin önündeydi. Büyük bir camiydi bu. Minareleri, kubbeleri, kemerleri ve parmaklıklı pencereleri filan hepsi tamamdı. Özellikle avlusu: dilenenler için en önemli yer. Bir kenarda duruyordu. Hiçbir hüner göstermediği için ya da acındırıcı bir garipliği olmadığı için ya da kendisini çevreden ayırıp başarısızlığına üzülecek kadar düşünemediği için dilenirken de başarısızdı. Küçük kaplar içinde mısır satmadığı için, çocuklarla ve kuşlarla birlikte, başkaları adına sevap işleyemezdi; ayrıca, ne kırmızı cüppeli bir müneccime benzeyen ihtiyar gibi tekerlekli ve meşin duvarlı ve öğle tatilinde ön duvarı bir kepenk olup sahibini kapatıveren kulübede yaşıyordu, ne de şişman kötürüm gibi nazar boncuklarını ve tespihlerini ve çakmak taşlarını artık satamadığı anda gaz pedalına basıp motosikletli tezgâhıyla oradan hemen uzaklaşabilirdi.

Страница 12

Sermayesi ve görünür bir sakatlığı yoktu. Belki, yoldan geçen birini durdurup, hastaneden yeni çıktığını ve hemşerisi inşaat çavuşuna gidecek parası olmadığını söyleyerek köylü taklidi yapabiliyordu; fakat konuşmadığı için, bu bakımdan da başarı kazanması oldukça güçtü. Caminin duvarına yaslanmaktan başka ilgi çekici bir eylemde bulunmuyordu. Hatta henüz avcunu açma teşebbüsüne bile geçmemişti. Bununla birlikte, güvercinlerin ve mısır kaplarının ve caminin eğimli bir duvar çıkıntısına dizilen cinsel ve dinsel kitapların ve halkı bazı toplumsal kötülöklere karşı uyaran ve ağaç gövdelerine sarılan gazetelerin ve makbuz mukabili iyilik işleriyle uğraşanların yoğunlaştığı sırada, onu sakat sanan başörtülü ve çarşafli kuru bir kadın, bu gönülsüz dilencinin avcunu çevirerek içine biraz para koydu. Belki de o sırada oldukça yüksekte duran güneş yüzünden gözlerini kırıştırdığı için paraya bakmadı; belki de gözü, caminin iç avlusunda oynayan çocuklara takıldığı için avcunu kapamayayı unuttu. Bütün bunlar, günün ilk

hayırseveri biraz uzaklaştıktan sonra olmuştu. Kadın onun yüzüne bakarken, bilerek ya da bilmeyerek hiç oynatmamıştı gözbebeklerini. Bu yüzden ilk müşterisi onu kör sanmıştı. Avcuna düşen başka bir paranın sesiyle kendine gelir gibi oldu: Kendisi gibi elbisesi yırtık, sakalı uzamış bir adam gördü başını kaldırıncaya. Sonra, eski bir halıdan yapılmış torbasını sinirli hareketlerle karıştırarak bozuk para çantasını arayan genç kız çıktı karşısına; büyük bir para elini ağırlaştırdı, öteki bütün paraları kapadı.

Kucağındaki kundak çocuğuyla karanlık bir kadın çömeldi yanına. Bir süre, iki leke gibi, duvara dayalı durdular. Sonra, açık leke avlunun ortasına doğru yürüdü. Kırmızı cüppeli ihtiyarın kulübesinden bir baston uzandı bacaklarına; neredeyse düşecekti.

Страница 13

"Beni gölgeye götür delikanlı," diye söylendi ihtiyar, aksi bir sesteki. Kulübesi, tekerleklerin doğrutusunda itilince, "Oraya değil," diye tepindi kırmızılı müneccim ve dışarı çıktı; istediği yöne çevirdiler tekerlekleri.

İhtiyar, kulübesinin açık yanını hırsla örttü; başka bir duvarından küçük bir pencere açtı. Oradan öfkeyle baktı avluya.

Gölgede bıraktı ihtiyarı; gitti duvara yaslandı ve paralarını seyretti.

"Sağlam adamsın; utanmıyor musun dilenmeye?" Şişman bir adam duruyordu yanıbaşında: "Bir iş verilse çalışmazsın." Şişmanın yerde duran bavuluna baktı, iki eliyle tutup kaldırmaya çalıştı yükü; başaramadı. Sonra bir hamal gördü uzakta, becerikli. Onun gibi yaptı: Çömelerek sırtını bavula dayadı, sapı kavradı; olmadı. Şişman adamın da yardımıyla yüklendi sonunda.

Yolda, "İki buçuk liradan fazla vermem," dedi ince sesiyle şişman. Yan yana yürüdüler. Rıhtıma yaklaşınca sırtındaki yüklerle birlikte yere çöktü. Bavul sahibi durdu ve bir süre kararsız kaldı; sonra uzattı parayı. Galiba ona biraz acınmıştı. Vapura da girebilirdi ayrı bir ücretle; fakat, hamallar örgütünün duvarını yaramadı. Sonra, vapur iskelesinin duvarında dilendi biraz. Yeniden yük taşıma ihtimali belirince caddeye doğru itildi. Biraz hırpalanmıştı, hafifçe sallanıyordu olduğu yerde. Onu, günün bu saatinde sarhoş olmakla suçlayanlar çıktı; gene de oldukça

iyi iş yaptı. Sonra gene bavul, sandık filan (rıhtıma kadar). Onu sağlam sayanlarla sakat sananlar arasında gitti geldi. Belki daha çalışacaktı. Fakat, iyi giyimli bir bay, ona para vermek için tam elini cebine soktuğu sırada, yanlarından geçen bir kadının kucağındaki çocuk bu kılıksız adama bakarak ağlamaya başlayınca parayı beklemeden yürüdü; hemen karşı kaldırıma geçti.

Страница 14

Cami avlusuna gelince bir kemerin altına girdi, loş ve serin duvarın dibinde parasını saydı; sonra karşı duvardaki simitçiye bütünletti, biraz da bozuk para kaldı. Yürüdü, kalabalık bir sokağa çıktı; insanların arasına karıştı yeniden. Yorgun ve terli iki hamalın ortasında duran oymalı, yaldızlı büyük bir boy aynasında kendini seyretti: Ceketini yoktu, gömleği parça parçaydı. İstemeyerek iki serserinin kavgasına karıştığı, onlara aracılık ettiği bir sırada yırtılmış olan gömleğinin parçalarını üst üste getirdi aynaya bakarak; pantolonunu tutan ipi çözdü, daha sıkı bir düğüm attı. Sonra aynayı götürdüler; yırtık pantolonunu ve çorapsız ayaklarına geçirmiş olduğu lastikleri seyredemedi. Yavaş yavaş yürüdü; dar ve kalabalık sokaklardan, dar ve kalabalık sokaklara geçti. Yürüyen insanların gürültüsüne sokak satıcılarının sesleri katıldı. Sonra satıcılar, belirli ve sabit yerler almaya başladılar kaldırımlarda: Önce kısa ayaklı tezgâhlar görüldü; tezgâhlar yükseldi, sııklar ve tentelerle donandı. Güneş ve binaların üst katları kayboldu; sıcak azaldı ve sokakların üzerinde yürüyecek yer kalmadı. Nereye asıldıkları belli olmayan elbiselerin ve kumaşların arasına sıkıştı; durmak zorunda kaldı. Rüzgârın ya da gelip geçenlerin salladığı beyaz bir manto süründü yüzüne. Uzun ve aydınlık bir manto. Kloş etekli, kocaman düğmeli bir hayalet; geniş yakalı, serin.

Hafif bir rüzgâr çıktı; iriyarı, esmer ve görünüşü taşralı satıcının elbiselerini belli belirsiz dalgalandırdı. Yalnız beyaz manto kıvıldamadı; ağır bir kumaştan yapılmış olmalıydı. Bir süre durdular mantoyla karşılıklı. Onu seyreden satıcı, sessizliği bozdu sonunda: "Ne o? Satın mı alacaksın?" Karşılık vermedi. Gülümseyerek yere tükürdü satıcı; yüzünde yarı kurnaz, yarı ilgisiz bir ifade vardı. Önce satıcıya, sonra tekrar mantoya baktı; elini cebine soktu. "Dur bakalım, bir giydirelim hele." Çevresine bakındı satıcı, oyuna katılacak birilerini aradı.

Karşı kaldırımındaki küçük meyhaneden bir adam izliyordu onları; dirsekleri tezgâha dayalı, elinde birası, gülmeye hazır bekliyordu. Başka ilgilenen yoktu.

Manto vücuduna yapıştı. Satıcı hızla çevirdi onu; etekler dönerek açıldı. Meyhanedeki adam bu kadarını beklemiyordu; birden gülmek zorunda kaldığı için ağzındaki bütün birayı ileri püskürttü. Satıcı kendine geldi: "Kadın mantosu bu, hemşerim; sana olmaz." Mantoyu aceleyle çıkarmak istedi müşterinin üstünden. Satıcının elini itti yavaşça; mantonun içinde, telaşla pantolonunun cebini aradı.

"Çok pahalı, sen alamazsın," dedi satıcı son bir çabayla. "Yüz elli lira. Kadın mantosu. Deli misin sen?" Satıcıyı dinlemiyordu. Bütün parasını uzattı bir top halinde. Satıcı yığını açtı istemeden; önce içindeki bozuk paralan ayırdı, sonra kâğıt paralan saydı.

"Kırk beş lira," dedi sevinçle. "Dünyada olmaz. Çıkar mantoyu." Çıkarmadı.

"Yüz yirmi beş lira maliyeti var," diye tepindi satıcı.

İlgilenmiyordu satıcıyla. Eteklerinin nereye kadar indiğine bakıyordu: Ayak bileklerine geliyordu neredeyse.

"Gülünç olursun," diye diretti satıcı. "Yüz liraya verdik diyelim. Nerede para?" Meyhanedeki adam kendine gelmişti. Göğsündeki sancı geçmişti. Fakat gülmek de gittikçe zorlaşıyordu. Bununla birlikte, satıcıyı tuttuğunu belirten gözlerle izliyordu olayı. Satıcının neşesi kaçmıştı; sadece, durdurulması güç inadı kalmıştı ortada. "Otuz lira daha ver öyleyse," dedi. "Başına geleceklere de karışmam."

Beyaz mantosuyla topuklarının çevresinde döndü; ilk defa gülümsedi çevresine bakarak. Sonra, sanki bir daha hiç gülümsemeyecekmiş gibi mahzunlaştı birden.

Meyhanedeki müşteri, olaya sırtını çevirdi. Satıcı yalnız kalmıştı. "Allah belanı versin," dedi. "Al şu pis bozukluklarım da."

Mantonun cebindeki eli çıkardı dışarı ve madeni paralan bir bir içine koydu. "Şimdi artık inanmazsın ama, bu sabah ihtiyar bir kadın getirmişti; vallahi tam otuz beş lira verdim bu mantoya. Kadın eşyası bu, kolay satılmaz ki." Sesi öfkeliydi.

Beyaz mantosuyla kalabalığa karıştı. Tentelerin bittiği yerde gökyüzüne baktı. Yerdeki bir su birikintisinden güneşle birlikte yansıdı. Sonra su birikintisi kalabalıklaştı; lekesiz görüntüsünü, irili ufaklı gölgeler çevirdi. Mantosunu seyretmek için eğilince, henüz şaşkınlığı geçmemiş ve onu nasıl karşılamak gerektiğini bilemeyen topluluğu gördü suyun içinde. Mantosunun eteklerini kirletmemek için su birikintisinin çevresinden dolaştı. Onu doğrudan doğruya izlemek isteyenler suyu geçmeye çalışırken ıslanarak yarı yolda kaldılar.

Arkasına bakmıyordu. Adımlarını sıklaştırdı. Konuşulmuyordu; fakat ne de olsa topluluğa katılanlar gittikçe arttığı için hafif bir uğultu geliyordu peşinden. Yüksek duvarlarla çevrili küçük bir cami avlusunu geçtiler. Meydandaki kahvenin gölgesinde serinlemek için kalanlar olduysa da, çaylarını çoktan bitirerek ne yapacağını bilemeyenler onların yerini aldı. Çok kalabalık sayılmazlardı; gene de, avlunun kemerli kapısını geçerken hafif bir itişme oldu. Sonra, karşılıklarına çıkan beklenmedik birkaç basamaktan inilirken yaşlıca bir adam, iki çocuğun üstüne düştü. Küçük bir karışıklık çıktı. Bazıları da duvarlardaki, işçi arayan yüzlerce ilana kapıldı bir süre. Kısa bir duraklama dönemi geçirildi. İki duvar arasına sıkışmış basamaklardan kurtularak genişledikleri zaman biraz ferahladılar doğrusu; fakat, mantolu adamı bulamadılar. Gitmişti. Bazı küçük tartışmalar çıktı; iş arayanlara ve henüz, düştüğü basamaktan kalkma fırsatını bulamayan ihtiyara çatıldı. Bir sonuç alınmadığı için kalabalık dağıldı.

Страница 17

Yakıcı bir güneş vardı. Adımlarını yavaşlattığı halde, alnından kayan ter damlaları sakalını ıslatıyordu. Büyük bir köprünün üstünde parmaklıklara yaslanarak bir tarak satıcısının gölgesine sığındı. Mantosuyla, sakalıyla ve gelip geçenlerin üzerinden aşan bakışlarıyla satıcıya yaran dokundu; işsiz güçsüz takımından, onu seyretmek için duranlar oldu; ağır yük taşıyanlar, tam orada dinlenmeyi uygun buldular. Birkaç tarak satıldı bu arada. Hareketsiz, ifadesiz,

öylece durduğu için önce yanma yaklaşamadılar. En çok konuşulan yabancı dilden bildikleri birkaç kelimeyi onun üstünde deneyenler çıktı. "Bu adam turist değil," dedi birisi. "Kendini yutturmaya çalışıyor." Bir başkası da yabancı dilden bir küfürle yokladı onu. Karşılık alınamadı. Cebinden Amerikan sigaraları görünen bir tombalacı, "Yok yahu, bu herif İngiliz," dedi. O dilden de küfür edildi. Sonra ona dokundular, mantosunun eteklerini çekiştirdiler; canlı olduğu anlaşıldı. Yürüdü, oradan uzaklaştı.

Köprü uzundu; başka satıcıların yanında da dikildi bir süre. Hatta bir tanesi, filtreli sigaralar satan kasketli bir genç, kendi yerine bıraktı onu, çişe giderken. O kısa süre içinde beş paket sigara, üç kibrit satıldı. Satıcı dönünce de birer filtreli sigara yaktılar kendi tezgâhlarından; parmaklıklara dayanıp, balık tutanları seyrettiler konuşmadan. Mantosunun üst iki düğmesini çözdü, gene de serinleyemedi. Alnına biriken terleri mantosunun geniş yakasıyla sildi. Köprünün ucuna çevirdi gözlerini; karanlık sokaklar vardı orada. Mantosunu ilikledi, eliyle belirsiz bir hareket yaptı satıcıya ve ayrıldı oradan.

Yüksek binaların, koruduğu dar bir sokakta bir vitrinin önünde durdu. Kendini seyretti. Kumaşların, elbiselerin ve satıcıların dükkânlardan taşıdığı bir sokaktaydı. Müşterilerin yolu kesiliyordu. Bir süre sonra, vitrinin gerisinden gözetlendiğini sezdi. Şişman dükkân sahibi, düşünceli küçük gözleriyle onu süzüyordu.

Страница 18

Sonra, geniş bir gülümseme kapladı yuvarlak yüzü; gözler kısıldı, kayboldu. "Baksana sen buraya," diye seslendi, şişman gövdesiyle kapıyı tutarak. "Nereden buldun o mantoyu?" Baktı; karşılık vermedi. Başka birisi yaklaştı o sırada yanına, kolundan tuttu. "Hey mister!" dedi. Anlamadığı dilden bir şeyler anlattı. Olmadı. Sözlerini elleriyle destekledi; ayrıca, kollarıyla da açıklamaya çalıştı ne istediğini. Olmadı. Yerde duran bavulunu açtı, saydam kâğıtlara sanlı gömlekler çıkardı içinden ve mantolu adamın eline tutuşturdu. Parmağını mantonun büyük düğmelerinden birine dayadı, "Sen turist," dedi. "Sen getirmek gömlek Fransa, Almanya. Yok para. Satmak." Gene de anlaşıldığından kuşkuluydu. Onu vitrinin

önünde öylece bıraktı, sokağın köşesine gitti. Şişman adam, dükkânının kapısında sonucu bekliyordu. Biraz sonra kırmızı pantolonlu, göğsünün kıllan gömleğinin çiçekleri arasından kara bir çalı gibi fişkırان bir genç durdu önünde; gömleklere baktı: "How much?" dedi. Genç adamın yüzüne bakıldı sadece. Sokağın köşesindeki asıl satıcı hırsla ayağını yere vurdu. "Herif esrarkeş," diye homurdandı. Kıllı genç müşteriye kaçtırmamak için yanına yaklaşarak, "Sağırdır," dedi telaşla. "Yüz liraya veriyor." "Pahalı," dedi kırmızı pantolonlu genç. Asıl satıcı, mantolu adamın yüzüne öfkeyle baktı; kararsız durdu bir süre, sonra kulağı onun ağzına dayadı. "Seksen liraya indi," dedi aceleyle. "Ben dilinden anlarım." Mantolu adam, satıcının aracılığıyla sessiz bir pazarlık yaptı. Altmış liraya satmış oldu gömleği sonunda. Bir saatten az bir süre içinde bitti gömlekler. Mantonun cebine on lira konuldu ve "Goodbye," denildi, uzatmadığı eli sıkılarak. "Çok şahane!" diye bağırdı şişman dükkâncı. "İçeri gelsene biraz." Durdu, düşündü: "Öyle ya, anlamaz." Bavullu Satıcının yolunu denedi: "Sen gelmek dükkân burda," dedi ve daha fazla beklemeden onu kolundan tutup içeri çekti. Tezgâhtarla birlikte bir süre çevresinde dolaşarak ondan ne yapabileceklerini düşündüler.

Страница 19

"Herif de manken gibi duruyor ortada. Eline kumaş topunu verip sattıramam ya!" Bir süre daha çevresinde dönüldü. "Manken," dedi şişman dükkâncı gene, başka söz bulamadığı için. Bir süre de tezgâhtarla birlikte söylendiler "Manken, manken," diye ve çok sonra akıl ettiler onu manken olarak kullanmayı. Bir süre de "Canlı manken!" diye bağırdılar sevinçle. Sonra onu vitrine doğru ittiler, orada durması için (ona başka türlü söz dinletilemiyordu ki). Tam vitrinin çıkıntısına doğru adımını attıracaktan sırada, "Ayakları çok kirli, pantolonu da öyle," diyerek patronunu uyardı tezgâhtar. Onu durdurdular. Ayakkabılarının üstüne ve pantolonunun alt tarafına biraz beyaz bez sarıldı. Mantonun örtemediği kısımlarıyla müzedeki bir mummyya benzer gibi oldu. Kollarından tutup vitrine çıkardılar. "Böyle put gibi durmasın," dedi tezgâhtar. "Güzel bir poz verelim ona." Gene düşündüler. "Kollarını açalım," dedi patron. "Vitrini doldursun." "Yorulur,

kollarını oynatıp durur." Naylon iplerle tavana asmaya karar verdiler sonunda kollan. Bir kolu ileri uzattılar, bağladılar ve ipi vitrinin üstündeki bir çiviye tutturdular. Öteki kolu da, duvarda boşalttıkları bir rafa yerleştirdiler. Onların çalışmasını seyretmeye başladı birkaç kişi. Sonra, vitrinin önünde birikenlerin sayısı çoğaldı. "Cansız bu, kukla," diyenler çıktı. Tezgâhtar, kapının önünde bağırıyordu: "Canlı manken mağazasına buyurun! Serinletici kumaş çeşitlerimizi görün, işte, büyük fedakârlıklarla Kuzey Kutbu'ndan getirtmiş bulunduğumuz Canlı isveç Mankeni, bu sığağa ancak hafif kumaşlarımızı giyerek katlanmaktadır. işte, koca manto, onu terletmemektedir. Kumaşlarımızla bir kuş gibi havalarda uçarak sizlere en canlı ve en gerçek reklamı yapmaktadır. 'Saran Kumaşları' yalnız mağazamızda. Mallarımızın ve mankenlerimizin taklitlerinden sakınınız. Israrla arayınız!"

Страница 20

Önce, onu yakından görmek isteyenler içeri girdi. Bir kadın, ağlayan çocuğunu omzuna çıkararak kalabalığı yarmaya çalışıyordu. Sonra kumaşlara da baktılar. Genç kadınlar onun mantosunu da tuttular, aynı kumaştan olup olmadığını anlamak için. Mantonun etekleri açıldı, pantolonun yırtık dizleri görüldü. Tezgâhtar, müşterinin az olduğu bir sırada onun iki bacağına bir kumaş daha sardı. Patron da kloş etekleri açarak ona yardım etti. Eteklerin bu durumu ikisinin de hoşuna gitti ve yelpaze gibi açılmış uçları iğneyle oraya buraya tutturdular. Mantolu adam bütün vitrini kaplamıştı. Ondan başka hiçbir şey görünmüyordu. Bunun üzerine, omzundan, kollarından biraz kumaş sarkıttılar.

O gün öğle tatiline kadar iyi iş yapıldı. Tezgâhta yemek için oturup sefertaslarını açtıkları zaman, "Ona da bir şeyler vermeli," dedi patron. "Yıgılır kalır sonra." Vitrine gitti, onu çözdü, serbest bıraktı. Altına bir tabure çektiler tezgâhın önünde. Sefertasının kapağına kuru fasulyeden ve makarnadan biraz koydular; iki küçük parça ekmeği çatal gibi kullanarak yemeğini yedi. Dükkânın arkasındaki lavabodan, musluğa elini uzatarak biraz su içti. Yere oturdu, sırtını tezgâha dayadı; ona bir sigara verdiler. Biraz saygı uyandırmış olmalı ki, patron yaktı sigarasını. Sonra omzuna vurdu ve tezgâhtara döndü, "İşimize yaradı, değil

mi?" diyerek güldü. "Yoruldu mu?" dedi tezgâhtar, patrona bakarak. Karşılık vermediği için onunla konuşmak zor oluyordu. Sigarasını bitirdi, bir süre daha oturdu. Sonra yavaşça doğrularak kalktı, kapıya yöneldi. "Nereye gidiyorsun?" diye bağırdı patron. "Fena mı, para kazanıyorsun işte." Durmadı. Arkasından koştular, cebine biraz para sıkıştırdılar. Patronun, mantonun üstünde unuttuğu iğnelerle ve kollarından sarkan iplerle, beyaz bezler sanlı ayakkabılarını sürükleyerek yürüdü gitti. Omzunda kalan küçük bir kumaş parçası da sokağın köşesini dönerken yere düştü.

Страница 21

Dik bir yokuşun başına gelince durdu. Kaldırımın kenarına oturdu. Elinin tersiyle alnına biriken terleri sildi. Çevresine baktı: İleride, bir elektrik direğine tutturulmuş otobüs durağı levhasına takıldı gözleri. Ayağa kalktı, bir iki adım attı, gene durdu. Tezgâhtarın ayağına sardığı bezler çözülmeye başlamıştı. Belindeki ipi çıkardı, yere koydu. Kaldırımın kenarında duran bir taşla ipi ortasından ezerek ikiye ayırdı, sargıların üstüne bağladı. Durağa doğru yürürken, mantosunun üstünden pantolonunu çekiştirdi durdu. Bir yoğurtçu geçti yanından; durağın arkasındaki eski bir evin kapısından girerken ona çarptı. Mantolu adam sendeledi, kapıya baktı; karanlık bir avluda kayboldu yoğurtçu. Sonra esmer, kara gözlüklü, dökülmüş siyah saçları yağdan birbirine yapışmış bir baş çıkmaya başladı kaldırımın içinden. Mantolu adam baktı: Birkaç basamakla inilen bir boşluk gördü yerin altında. Gözlüklü kafa büyüdü, yükseldi; bir adam oldu. Kolunda bir sürü kemer taşıyan eskimiş bir adam. Koyu renkli bir kemere uzattı elini mantolu dilenci. Mantosunun düğmelerini çözdü; fakat, kemeri geçirecek bir yer bulamadı pantolonunun belinde. Biraz yukarı çekiştirmek istedi pantolonunu; alt taraftaki sargılar, ipler izin vermedi. Ümitsizlikle kemerciye baktı; sonra da kemere baktılar birlikte. Kemerci, çıktığı deliğe yöneldi, bir süre kayboldu. Kocaman çengelli iğnelerden yapılmış bir zinciri tutarak çıktı ortaya. Pantolonunun beli mantonun iç kısmına bu iğnelerle tutturuldu. "Üstüne takarsın kemeri artık," dedi gülerek. "Daha fiyakalı olur." Öyle yaptılar. Mantosunun cebinden çıkardığı kâğıt paralardan birini uzattı. Kemerci paraya baktı, sonra aldı ve yandaki bakkala girdi.

Paranın üstü, bir şişe ucuz şarap ve küçük bir kutu domates salçasıyla çıktı dışarı. Paranın üstünü verdi, şarabıyla salçasını deliğinin yanına koydu; birkaç yudum içtikten sonra mantolu adama uzattı şişeyi. Onun almadığını görünce, tekrar yerin altında kayboldu. İçerken insanı ağzını kesmesin diye kenarları düzeltilmiş boş bir konserve kutusuyla döndü.

Страница 22

Teneke, şarapla dolduruldu mantolu adam için. Deliğe inen merdivenin duvarına oturdular, ayaklarını aşağı sarkıttılar, birlikte içtiler. Bu arada bir otobüs kaçırıldı; ikinci otobüs gelmeden de şarap bitti. Otobüse birlikte bindiler. Paraları kemerci verdi ve yokuşun üst başında, mantolu adamdan iki durak önce indi.

Arka sahanlıkta yalnız kalınca ileri yürüdü. Şoförün yanına varmak üzereyken bir fren sırasında ön koltuklardan birine oturdu istemeden. Karşı sırada oturan bir adam gülümsüyordu. Önce aldırmadı gülümseyen adama. Fakat gülümseme bitmedi. Telaşlandı, kemerini düzeltti. Gülümseme bir türlü durmuyordu. Yakasına, eteklerine, sargıların üzerindeki iplere baktı: Hayır, çözülmemişti. Uygunsuz bir durumu yoktu kılığının, biraz ferahladı. Gülümseyen adama tatlı gözlerle baktı. Kendisine bakılmadan gülümsendiğini anladı sonunda. Cebindeki küçük bir radyonun ince bir telle sol kulağına taşıdığı ve otobüste kendisinden başka kimsenin bilmediği bir müziğe gülümsüyordu adam.

Geniş bir meydana otobüsten indi. Küçük bir boyacı, sandığını koydu yanına. "Tozunu alalım mı abi?" dedi. Ayağını özenle koydu sandığın üstüne; sargıların arasındaki kirler, beyaz bir fırçayla özenilerek temizlendi. Sonra, güvercinler için mısır aldı; kollarını iki yana açarak serpti kuşlara. Parkın girişindeki duvarın üstünde oturan kasketli bir genç, yanındakine, "Put gibi olmuş, şuna bak," dedi. "Çarmıh," diye düzeltti öteki. Güldüler.

Parkın kapısında 'Otuz iki diş keman çaldıran' bir şişe gazoz içti. Gölgedeki banklardan birine oturdu. Bir ihtiyarın, dişleri olmadığı için, pek anlaşılmayan dertlerini dinledi. Derli toplu insanlar, dinlenmek için başka yerlere gittiklerinden kimseye garip görünmedi kılığı, kimsenin gözüne çarpmadı. Sonunda, ihtiyarın isteği üzerine, onu durağa götürdü koluna girerek.

Parktan çıkarken gene peşine takıldılar. Önce çocuklar. Durağa oldukça kalabalık geldiler. "Allah belasını versin bu pis yabancıların," dedi birisi; gömleğini pantolonunun üstüne çıkarmış, bütün yüzü bıyık içinde kara bir adam. "Bedava yaşıyorlar bu ülkede." Arabasının kapısına dayanmış, müşteri beklerken, yağlı, kıymalı bir şeyler yiyen şoför de bu düşünceye hak verdi: "Paramızın değeri de bu yüzden düşüyor abi." İhtiyar, mantolu adamın kolunu çekti, "Beni karşıya geçirin," dedi. Bir taksi geçerken onlara hafifçe dokundu, durdukları halde. Dönüp baktılar. "Ne bakıyorsun?" dedi, pencereden uzanan kafa. Geri çekildiler, onları izleyen kalabalığa çarptılar, ihtiyar, mantoyu çekiştirip duruyordu. Hızla geçen arabalar yüzünden bir türlü ulaşamadılar karşıya. Bir iki atılıştan sonra kaldırımın kenarına sığındılar. "Hepsi de esrarkeş bunların. Ezersin başına bela." Şoförle bıyıklı birer sigara yaktılar. "Adama bak," dedi bir kadın kocasına. Baktılar. "Çocuklar kâğıttan kuyruk takmışlar arkasına." Güldüler. Çocuklarla arabaların arasına sıkışıp kalmıştı; ihtiyar adamı bulamadı. Kalabalık arttı. "Ayaklan sargı içinde." "Cüzzamlı olmasın." İtişerek çekildiler. Hiçbir şeyden korkmayan çocuklar, yani çocukların hepsi, eteklerini tutarak çevirdiler onu. "Karnına çengelli iğneler takmış." "Kollarına ipler bağlı." "Sakın tımarhaneden kaçmış olmasın." "Deli bu, mantonun üstüne taktığı kemere bakın." "Manto mu?" "Kadın mı?" "Ne kadını? Kafadan manyak." "Polis çağırın." Gözlerden kurtulmak için başını kaldırdı: İleride, köprüünün üstünde bir adam onun filmini çekiyordu. "Abi, bunlar film çeviriyorlar." Bütün gözler köprüye çevrildi. Bu kısa süreden yararlandı, sırtını köprüye döndü, adımlarını hızlandırdı. Sonra koşmaya başladı.

Uzaktan hızla geçen bir trene doğru koştu; bir duvardan atlarken düştü, bir tel örgü elini kanattı. Demiryoluna ulaştı sonunda. Hat boyunca ilerledi, istasyona vardığı zaman soluk soluğa ve ter içinde yığıldı yere.

Kalkarken etekleri dolaştı ayağına, düştü. Sonra, geri geri giderek uzaklaştı istasyondan. Kadınlar belasının duvarına dayandı. Bir iki tren geçti, istasyon tenhalaştı. O zaman gişeye yürüdü. Gişedeki memur onun suratına baktı ve bu

konuşmayan adama ikinci mevki bir bilet verdi. Trende, san tahtaların üstünde, kendisi gibi kirli, kendisi gibi yorgun, kendisi gibi çevreye ilgisiz insanlarla birlikte yolculuk etti. Yasak levhasına rağmen onlarla birlikte, onların ikram ettiği sigarayı içti. Pencereden denizin görüldüğü bir istasyonda da trenden indi.

Üzerinde 'Halk Plajı' yazılı bir kapıdan girdi. Kumların üstünde bir süre dolaştıktan sonra, yün ören ihtiyar bir kadının boş bıraktığı sandalyeye oturdu. Önce, kumda top oynayan gençlerin ilgisini çekti. Birbirlerini iterek onu işaret ettiler. Kafasına bir iki top attılar. Bir toptan kaçmak isterken sandalyesiyle birlikte yere yıkıldı. Çevresine toplandılar. Çıplak bacakların duvarından ürktü, gözlerini kapadı. "Sarası var," dedi öndeki gençlerden biri. "Ayaklan da sargılı. Kötü bir hastalığı olmalı," diyerek geri çekildi yassı burunlu bir genç kız. Kalabalık büyüdü, arka sıralara düşenler onu görmek için itiştiler; çevresindeki çember daraldı. Ayağa kalkmadı artık. Üçüncü sırada duran uzun bıyıklı bir genç, kalabalığı yardı. "Ne bunaltıyorsunuz hasta adamı," diyerek ön sıradakileri itti. Onların yerini hemen başkaları aldı. Kalabalık, bir bütün olarak, yere çakılmış gibi hiç kıvıldamadı. Konuşmadılar da. Sadece seyrettiler onu. "Bacaklarını havaya kaldırın," diye bağırdı arkadan biri. "Sulan aksın." Bu sözleri duyan bir görevli, duruma el koymamanın zamanı geldiğini düşünerek, boğulmakta olan adama gerekli müdahaleyi yapmak üzere ön safa geçti. Kızgın kumlar ve manto ve kemer ve sargılar yerdeki adamı yakıyordu; kalabalık da hava almasını engelliyordu; artık, yüzünden akan terleri silmiyordu. Onun uygunsuz durumunu tespit eden görevli, mantolu adamı uyardı: "Bu kılıkta bulunamazsın burada."

Страница 25

"Mantosunu çıkarsın!" diye bağırdı ön sıradan biri, vücudu kumlarla sıvanmış gibi kıllı bir karaltı. "Belki de içinde bir şey yoktur," dedi mahzun görünüşlü bir genç, yanındakine. "Ben buna benzer bir şey okumuştum bir yerde." "Burayı hemen terk edin," diye diretti görevli. "Halkın huzurunu ihlal etmeye hakkınız yok." Uzun bıyıklı genç onu savundu: "Elbiseyle oturabilir. Buna bir engel yok." "Kadın mantosu!" "Sapık herif!" diye bağırانlar oldu. "Dışarı'." diyerek kolundan tutup yerdeki adamı kaldırmaya çalıştı görevli. "Kendi gider," dedi bıyıklı genç. "Bırak

adamın kolunu." Beyaz mantolu adam doğrudu, kalabalığın üstüne yürüdü; hemen açıldılar, geçebileceği kadar bir boşluk bıraktılar halkada. Gözleri yanıyordu terden; yüzü kıpkırmızı olmuştu. Yürürken sargılar çözülüyordu bacaklarından. "Denize değil!" diye bağırarak peşinden koştu görevli; bıyıklı genç tarafından yolu kesildi. Arkalarından koşan kalabalığın içinde kayboldular.

Su, bileklerini geçince mantosunun eteklerini topladı. Kalabalıktan kurtulmuş olan görevli, elbisesiyle daha ileri gidemedi. Mantonun etekleri önce suyun üstünde açıldı sonra ağırlaşp battı. "Dur!" diye bağırdı uzun bıyıklı genç. "Boş ver abi," dediler. "Fazla ileri gitmez." Deniz sığdı; bütün manto suyun içinde kaybolduğu zaman kıyıda çok uzaklaşmıştı. Fazla ileri gitmişti. Yanılmışlardı.

Bıyıklı genç de çok geç kalmıştı. Beyaz mantolu adamın, boyunu geçen yere kadar yürüyeceğini aklına getirmemişti. Yerinden fırladı birden; fakat yetişemedi. Böyle bir olayla daha önce hiç karşılaşmamıştı. Sonra başka gönüllüler de çıktı. Aramalar bir sonuç vermedi. Uzun bıyıklı genç kıyıya çıkınca soluk soluğa kumlara oturdu, elini ağzına siper ederek yere tükürdü, "Amma da hikâye," dedi.

Человек в белом манто

Страница 11

Он был внутри многолюдной толпы. Он был неудачником. У него не было денег. Он просил милостыню. Он был перед мечетью. Это была большая мечеть. Ее минареты, купола, арки, решетчатые окна - все было на месте. Особенно ее двор: самое важное место для попрошайек. Он стоял в стороне. Из-за того, что он не демонстрировал никаких умений, или из-за того, что у него не было странностей, вызывающих жалость, или из-за того, что он настолько отделял себя от окружающих, что не мог ничего придумать такого, что вызывало бы жалость к его неудачам, когда просил милостыню, он тоже был безуспешен. Из-за того, что он не продавал кукурузу в мелкой посуде, он, как дети и птицы, не мог совершать благие дела от имени других. Кроме того, подобно старику, похожему на одетого в красную мантию астронома, он не жил в передвижной хижине из грубой кожи, чья передняя стена была как ставень и в обеденное время укрывала своего хозяина; он не мог, словно толстый калека, стремительно умчаться оттуда на мотоцикле с приделанным прилавком, нажав на педаль газа, когда уже не мог продавать кремь, четки и талисманы от сглаза.

Страница 12

У него не было капитала и видимых увечий. Возможно, он мог бы остановить кого-то из прохожих и, подражая деревенщине, говорить, что он только что вышел из больницы и что у него нет денег, чтобы поехать к своему земляку – строительному начальнику; однако из-за того, что он не разговаривал, было довольно трудно добиться успеха и в этом. Он не совершал привлекающих внимания поступков, кроме как прислонялся к стенам мечети. Он даже еще не предпринял и попытки раскрыть ладонь для подаяния. И вот, когда стало не продохнуть от кормушек для голубей и чашек для кукурузы, от религиозных книг и брошюр по половому воспитанию, расставленных в ряд на наклонном выступе стены мечети, от газет, обмотанных вокруг стволов деревьев и привлекающих внимание людей к некоторым общественным

порокам, и от листовок против квитанций, подтверждающих добрые дела, худая женщина в чаршафе и с покрытой головой, посчитав его инвалидом, перевернула ладонь этого скромного попрошайки, вложила несколько монет. Возможно, из-за того, что он щурил глаза из-за солнца, стоявшего почти в зените, в тот момент, он не взглянул на деньги; возможно, из-за того, что он взглядом следил за детьми, игравшими во внутреннем дворе мечети, он забыл сомкнуть ладонь. Все это случилось после того, как первый за день его благодетель немного удалился. Когда женщина смотрела в его лицо, его зрачки совершенно не двигались, сознательно или бессознательно. Поэтому его первая клиентка думала, что он слепой. Вместе со звуком других денег, упавших ему на ладонь, он словно пришел в себя: как только он поднял свою голову, то увидел человека с длинной бородой и в рваной одежде, как у него самого. Затем перед ним внезапно появилась молодая девушка, которая искала кошелек, перерывая нервными движениями сумку, сделанную из старого ковра; большие монеты сделали его руку тяжелой, он зажал все монеты в руке.

Мрачная женщина с грудным ребенком на руках села на корточки рядом с ним. Некоторое время они сидели, прислонившись к стене, как два пятна. Затем светлое пятно пошло прямо в середину двора. Из хижины старика в красной мантии к его ногам протянулась трость; он чуть не упал.

Страница 13

«Перевези меня в тень, юноша», – сказал старик противным голосом. Как только хижина двинулась, куда вели колеса, астроном в красном вышел наружу и сказал, бурно выражая свои чувства: «Не туда»; они развернули колеса в сторону, в которую он хотел.

Старик с яростью закрыл открытый полог хижины; открыл маленькое окно с другой стены. Оттуда посмотрел с гневом на двор.

Он оставил старика в тени; он ушел, прислонился к стене и посмотрел на свои деньги.

«Ты – здоровый человек; не стыдишься ли ты просить милостыню?» Толстый человек стоял рядом: «Даже если для тебя найдется дело, ты все равно не будешь работать». Он посмотрел на чемодан толстяка, стоявший на земле, попытался поднять груз, схватив его двумя руками; не получилось. Затем он увидел носильщика вдалеке, ловкого. И сделал как он: присев на корточки, прислонил спину к чемодану, схватил ручку; не вышло. В конце концов, он был погружен с помощью толстяка.

По дороге толстяк сказал своим тонким голосом: «Я не дам больше двух с половиной лир». Они шли рядом. Как только приблизились к набережной, он сел на землю вместе с грузом на спине. Хозяин чемодана остановился и некоторое время колебался; затем протянул деньги. Возможно, он испытывал к нему некоторое чувство жалости. Он мог зайти на пароход за отдельную плату; однако, он не мог пройти мимо сплоченных грузчиков. Затем он недолго просил милостыню у ограды пристани. Как только снова представилась возможность перенести груз, его вытолкнули взащей. Он чуть-чуть вымотался, стоял на месте, слегка покачивался. Были и такие, кто обвинял его в том, что он напился в этот-то час дня; опять он довольно хорошо подработал. Затем вновь чемодан, сундук и так далее (до причала). Он курсировал между теми, кто считал его инвалидом, и теми, кто считал его здоровым. Возможно, он мог бы поработать еще. Однако, когда один хорошо одетый господин засунул руку в карман, для того чтобы дать ему денег, он ушел, не дожидаясь платы, как только ребенок на руках у женщины, проходившей мимо, начал плакать, увидев оборванного нищего; он тотчас перешел на противоположную сторону.

Страница 14

Как только он пришел во двор мечети, он вошел под арку, посчитал деньги у подножия темной и прохладной стены; после рассчитался с продавцом семитов у стены напротив, осталось немного мелких денег. Он пошел, вышел на многолюдную улицу; вновь смешался с людьми. Он рассматривал себя в резное позолоченное большое трюмо, стоявшее между

двумя уставшими и потными носильщиками: у него не было пиджака, его рубашка была порвана в клочья. Когда он нехотя вмешался в ссору двух бродяг и разнял их, он, глядя зеркало, кое-как прикрылся кусками своей разорванной рубашки; он развязал веревку, держащую его штаны, завязал узел покрепче. Потом они унесли зеркало; он не мог смотреть на рваные штаны и резиновые галоши, в которые засунул свои босые ноги. Он шел очень медленно; он переходил с узких и многолюдных улиц на другие узкие и многолюдные улицы. Голоса уличных торговцев смешивались с шумом проходящих людей. Затем торговцы начали занимать на тротуарах свои постоянные места: сначала показались прилавки на коротких ножках; прилавки росли, оснащались навесами и шестами. Солнце и верхние этажи зданий исчезли под ними; жара спала, и на улицах не осталось места для пешеходных прогулок. Он протиснулся между тканями и одеждами, которые неизвестно куда были подвешены; он вынужден был остановиться. Белое манто, которое раскачивал ветер или прохожие, коснулось его лица. Длинное и светлое манто. Призрак – расклешенный подол, огромные пуговицы; с широким воротником, прохладное.

Подул легкий ветер; едва уловимо всколыхнул одежду рослого и смуглого, с виду провинциального продавца. Только белое манто не шевелилось; оно должно было быть сделано из плотной ткани. Некоторое время они с манто замерли друг напротив друга. Наблюдавший за ним торговец, в конце концов, нарушил молчание: «Ну что? Ты собираешься покупать?» Он не ответил. Улыбаясь, торговец плюнул на землю; на его лице было наполовину хитрое наполовину равнодушное выражение. Сначала он посмотрел на торговца, потом опять на манто; сунул руку в карман. «Постой, давай хоть один раз примерим». Торговец осмотрелся вокруг, поискал тех, кто примет участие в игре.

За ними наблюдал человек из маленькой рюмочной на противоположной стороне; он ждал, готовый рассмеяться, с пивом в руке, опираясь локтями на прилавок. Никого другого происходящее не заинтересовало.

Манто прилипло к его телу. Торговец быстро развернул его; полы, поворачиваясь, раскрылись. Человек в рюмочной не мог ждать так долго; из-за того, что он вынужден был вдруг засмеяться, он разбрызгал все пиво, которое было во рту. Продавец пришел в себя: «Это женское манто, мой земляк; не для тебя». Он хотел в спешке снять манто с покупателя. Он медленно оттолкнул руки продавца; нашел в спешке карман своих брюк под манто.

«Очень дорого, ты не сможешь купить», – сказал продавец с последними усилиями. «Сто пятьдесят лир. Женское манто. Ты сумасшедший?» – он не слушал торговца. Он протянул, скомкав, все свои деньги. Торговец нехотя разобрал кучу; сначала он отобрал мелочь, затем посчитал бумажные.

«Сорок пять лир», – радостно сказал он, – «Ни в этот раз. Снимай манто». Он не снял.

«Его стоимость – сто двадцать пять лир», – сказал продавец, бурно выражая свои эмоции.

Он не обращал внимания на продавца. Он смотрел, докуда спускались полы: они доходили почти до щиколоток.

«Ты становишься смешным», – настаивал на своем продавец. «Давай сойдемся на ста лирах. Где деньги?» Человек в рюмочной пришел в себя. Он поборол острую боль в груди. Однако стало все труднее улыбаться. Вместе с этим он наблюдал за происшествием взглядом, в котором читалось, что он поддерживает торговца. У торговца испортилось настроение; осталось только сильное, непреклонное упрямство. «В таком случае дай еще тридцать лир», – сказал он, – «И я не буду вмешиваться в то, что с тобой произойдет».

Он повернулся на каблуках в белом манто; посмотрев вокруг, он в первый раз улыбнулся. Затем вдруг стал печальным, будто бы больше никогда не собирался улыбаться.

Клиент рюмочной повернулся спиной к происходящему. Торговец остался один. «Да покарает его Аллах», – сказал он, – «Возьми вот эту мою грязную мелочь».

Страница 16

Он вытащил руку из кармана манти, и положил внутрь металлические монеты одна за другой. «Сейчас ты уже не поверишь, но этим утром пожилая женщина принесла; клянусь, я дал за это манти ровно тридцать пять лир. Это женская вещь, поэтому легко не продается». Его голос был злым.

Человек в белом манти смешался с толпой. Он посмотрел на небо там, где заканчивались навесы. Оно отразилось вместе с солнцем в лужах на земле. Потом лужа заполнилась народом, большие и маленькие тени испортили чистую картину. Как только он наклонился, чтобы посмотреть на свое манти, он увидел в воде толпу, которая ещё не пришла в себя и не могла понять, как следует с ним себя вести. Для того чтобы не испачкать подол манти, он обошел лужу. Те же, кто хотел толком его рассмотреть, пытались пройти через лужу, но они останавливались на половине пути, промокнув.

Он не оглядывался назад. Он ускорил шаги. Люди не разговаривали; однако, из-за того, что постепенно толпа росла, легкий гул следовал за ним. Они прошли через двор маленькой мечети, окруженной высокими стенами. Если были те, кто остановился, для того чтобы освежиться в тени кафе на площади, то были и такие, кто не мог решить, что делать, и закончив пить чай, заняли их место в толпе. Их было не слишком много; но все же, когда проходили арочные ворота двора, произошла небольшая толкотня. Затем, когда спускались по нескольким ступеням, которые неожиданно появились перед ними, пожилой человек упал прямо на двоих детей. Вышла маленькая неразбериха. Некоторые отвлеклись на сотни объявлений о найме рабочих, которыми была оклеена стена. Заминка быстро прошла. Когда они миновали ступени, втиснутые между двумя стенами, и вышли на широкое место, люди немного успокоились; однако они уже не смогли найти человека в манти. Он ушел. Вышел небольшой спор; обвиняли тех, кто стал искать работу, и

старика, который никак не мог сподобиться встать со ступеней, на которые только что упал. Толпа рассеялась из-за того, что уже больше не могло ничего произойти.

Страница 17

Стояло палящее солнце. Хотя он замедлил свои шаги, капли пота, скользкие по лбу, увлажнили его бороду. Он укрылся в тени продавца расчесок, прислонившись к решетке на большом мосту. В своем манто, с бородой и взглядом, который скользил по прохожим, он принес пользу продавцу; среди безработной и истощенной толпы были те, кто остановился, чтобы посмотреть на него; те, кто нес тяжелые грузы, нашли удобный момент, чтобы передохнуть прямо там. Так было продано несколько расчесок. Из-за того, что он стоял так неподвижно и не выражал никаких эмоций, сначала к нему не решались приблизиться. Появились те, кто опробовал на нем несколько слов, которые они знали из распространенных иностранных языков. Один из них сказал: «Этот человек не турист». «Он пытается разыграть нас». Другой из них даже проверил его ругательствами на иностранном языке. Ответа получить не смогли. Игрок в лото, увидевший американские сигареты, торчащие из кармана, сказал: «Нет же, этот тип англичанин». И выругался на этом языке. Затем они прикоснулись к нему, потербели полы манто; убедились, что он живой. Он пошел, он ушел отсюда.

Мост был длинный; некоторое время он стоял неподвижно рядом с другими продавцами. Даже один из них, молодой человек в кепке, продававший сигареты с фильтром, оставил его за себя, когда отошел помочиться. За этот короткий срок были проданы пять пачек сигарет и три коробка спичек. Как только вернулся продавец, они зажгли по одной сигарете с фильтром из тех, что были на прилавке; они опирались на решетку и наблюдали, не разговаривая, за теми, кто ловил рыбу. Он расстегнул две верхние пуговицы манто, но вновь не смог ощутить прохладу. Он вытер широким воротником манто пот со лба. Он перевел свой взгляд на конец

моста; там были темные улицы. Он застегнул свое манто, сделал неопределенные движения рукой продавцу и ушел оттуда.

Он остановился перед витриной на узкой улице, которую словно защищали высокие здания. Он осмотрел себя. Он был на улице, сплошь состоящей из тканей, одежды, торговцев и лавок. Путь покупателям был перекрыт. Некоторое время спустя он почувствовал, что за ним следят с обратной стороны витрины. Толстый хозяин лавки оглядывал его маленькими задумчивыми глазами.

Страница 18

Затем его круглое лицо расплзлось в широкой улыбке; он сощурил глаза и исчез. «Подойди-ка сюда», – окликнул он, держа дверь толстым телом. «Где ты нашел это манто?» Он посмотрел, но не ответил. Другой приблизился в это время к нему и схватил его за руку. «Heu mister!» – сказал он. Он объяснял что-то на языке, которого он не понял. Не вышло. Он сопровождал свои слова жестами; кроме того, он старался объяснить руками то, что он хотел. Не вышло. Он открыл чемодан, стоявший на земле, вынул из него рубашки, завернутые в прозрачную бумагу, и всучил человеку в манто. Он приставил палец к одной из больших пуговиц манто и сказал: «Ты турист». «Ты приносить рубашка французская, немецкая. Денег нет. Продавать». И вновь он надрывался, чтобы быть понятым. Он оставил его так перед витриной и пошел к перекрестку. Толстый человек ждал конца сцены в дверях своей лавки. Немного погодя юноша в красных штанах, с грудью, покрытой пышной растительностью, пробивавшейся, словно черный куст, сквозь цветы его рубашки, остановился перед ним; он посмотрел на рубашки и спросил: «How much?» Он только наблюдал за лицом молодого человека. Настоящий продавец на перекрестке с гневом пнул землю ногой. «Парень употребляет гашиш», – проворчал он. Для того чтобы не упустить молодого волосатого покупателя, он приблизился к нему и сказал: «Он глухой». «Он отдает за сто лир». «Дорого», – сказал молодой человек в красных штанах. Настоящий продавец со злостью посмотрел на лицо человека в манто;

некоторое время он стоял нерешительно, после поднес ухо к его рту. «Сойдемся на восьмидесяти лирах», – наспех сказал он, – «Я понимаю его язык». Человек в манто безмолвно поторговался при посредничестве продавца. В конце концов, он продал рубашку за шестьдесят лир. Рубашки закончились меньше чем за час. Десять лир легли в карман манто, и было сказано «Goodbye» при пожатии руки, которую он не протянул. «Превосходно», – крикнул толстый лавочник, – «Давай-ка зайди ненадолго». Он стоял и думал: «Конечно, он же не понимает». Он попробовал метод продавца с чемоданом, сказал: «Ты ходишь лавка туда», и, больше не дожидаясь, схватил его за руку и затащил внутрь. Некоторое время вместе с продавцом он ходил вокруг него, они думали, что смогут из него сделать.

Страница 19

«Этот тип стоит посередине как манекен. Не могу же я дать кусок материи ему в руки и заставить продавать!» Они вертелись вокруг него еще некоторое время. «Манекен», – опять сказал толстый лавочник из-за того, что не мог найти других слов. Периодически они вместе с продавцом бормотали: «Манекен, манекен», – и вскоре додумались использовать его в качестве манекена. И некоторое время спустя они с радостью воскликнули: «Живой манекен!» Затем они толкнули его прямо к витрине для того, чтобы поставить его там (так как не могли заставить его слушать другими способами слова). Когда он собирался поставить свою ногу прямо на приступку витрины, продавец предупредил хозяина: «Его ноги слишком грязные, да и штаны тоже». Они остановили его. Они обернули нижнюю часть штанов и его обувь небольшим куском белой ткани. В тех частях, которые не могло прикрыть манто, он был похож на мумию в музее. Взяв под руки, они поставили его в витрину. «Пусть он не стоит так, будто идол», – сказал продавец, – «Давай мы придадим ему красивую позу». Они опять думали. «Давай разведем его руки», – сказал хозяин, – «Пусть он заполнит собой всю витрину». «Он устанет и будет стоять, двигая руками». В конце концов, они решили подвесить его руки к потолку с помощью нейлоновых веревок. Они вытянули

вперед его руку, привязали и прибили веревку гвоздем над витриной. Они расположили другую руку на полке на стене, которую освободили. Несколько человек начали наблюдать за их работой. Затем количество тех, кто собрался перед витриной, увеличилось. «Он не живой, кукла», – появились те, кто говорил так. Продавец кричал перед дверью: «Заходите в магазин с живым манекеном! Увидьте наш ассортимент прохладных тканей, вот, живой шведский манекен, который у нас находится, с большими жертвами привезенный с Северного полюса, переносит такую жару, только надев наши легкие ткани. Вот, даже огромное манто не заставляет его потеть. Летая в наших тканях по воздуху словно птица, он делает для вас самую живую и самую правдивую рекламу. «Обволакивающие ткани» только в нашем магазине. Берегитесь подделок наших манекенов и наших товаров. Ищите настойчиво!»

Страница 20

Сперва зашли внутрь те, кто хотел увидеть его вблизи. Одна женщина старалась пробиться сквозь толпу, снимая с плеч плачущего ребенка. Затем они смотрели и на ткани. Молодые девушки трогали его манто для того, чтобы понять, сделано оно из той же самой ткани или нет. Раскрылись полы манто, показались рваные колени штанов. Когда покупателей стало мало, продавец обернул обе его ноги одним куском ткани. Хозяин помог ему, раскрыв расклешенный подол. Это положение подола понравилось им обоим, и они, подшив их, прикрепили концы, раскрывшиеся словно веер. Человек в манто занял всю витрину. Из-за этого ничего другого не было видно. Затем они набросили несколько кусков ткани на его плечи и руки.

В тот день они славно поработали до обеда. Когда они сели за прилавок, чтобы поесть, и открыли судки, хозяин сказал: «Ему тоже надо что-то дать». «А то свалится». Он подошел к витрине, отвязал его и оставил. Они вытащили для него табуретку и поставили перед прилавком. Положили немного макарон и сушеной фасоли в крышку судка; он ел, используя два маленьких куска хлеба словно вилку. Он выпил немного воды из раковины в

туалете позади лавки, протянув руки к крану. Он сел на землю, прислонил спиной к прилавку; они дали ему сигарету. Он должен был бы вызывать хоть и немного, но уважения, так что хозяин зажег ему сигарету. Затем он хлопнул его по плечу, повернулся к продавцу и спросил, смеясь: «Он пригодился в нашем деле, не так ли?» «Ты устал?» – спросил продавец, глядя на хозяина. Из-за того, что он не давал ответа, с ним стало трудно разговаривать. Сигарета его догорела, он посидел еще какое-то время. Затем встал, медленно выпрямляясь, и направился к двери. «Куда ты идешь?», – закричал хозяин, – «Плохо ли, вот ты так просто зарабатываешь деньги». Он не останавливался. Они побежали вслед за ним и засунули в карман несколько монет. Он шел, шаркая калошами, обмотанными белой тканью, уходил с веревками, свисающими с рук, и с иголками, которые хозяин забыл в манто. Когда он свернул за угол, маленький кусок ткани, оставшийся на его плече, упал на землю.

Страница 21

Как только он подошел к началу крутого подъема, он остановился. Сел на край тротуара. Утер тыльной стороной руки пот, скопившийся на лбу. Он посмотрел вокруг себя: его взгляд зацепился за знак автобусной остановки впереди, прикрепленный к электрическому столбу. Он поднялся на ноги, сделал несколько шагов и снова остановился. Он начал развязывать ткань, которой продавец обернул его ноги. Он вытащил веревку, которая была на поясе, положил на землю. Разделил ее надвое, перетерев середину веревки камнем, лежащим на краю тротуара, и завязал поверх повязок. Когда он пошел прямо к остановке, он потерев штаны через манто и остановился. Продавец йогуртов проходил мимо; он налетел на него, когда выходил из дверей старого дома позади остановки. Человек в манто споткнулся, посмотрел на дверь; продавец йогуртов исчез в темном дворе. Затем смуглая голова в темных очках и с прилипшими друг к другу от жира черными выпадающими волосами начала появляться сквозь тротуар. Человек в манто посмотрел: он увидел под землей идущую вниз пустоту и несколько

ступеней. Голова в очках поднималась и увеличивалась; это был человек. Старый человек, который нес в руках несколько ремней. Нищий в манто протянул руку к ремню темного цвета. Он расстегнул пуговицы манто; однако не смог найти на поясе штанов шлевок, куда собирался вставить ремень. Он захотел немного подтянуть штаны; веревки и повязки внизу не позволили это сделать. Он посмотрел на продавца ремней с отчаяньем; затем они вместе посмотрели на ремни. Продавец ремней направился к отверстию, через которое возник, и на некоторое время пропал. Он появился, держа цепочку, сделанную из огромных английских булавок. Он скрепил этими булавками пояс штанов и внутреннюю часть манто. «Ты наденешь ремень уже поверху», – сказал он, смеясь, – «Будет моднее». Так они и сделали. Он протянул одну из бумажных купюр, которую достал из кармана манто. Продавец ремней посмотрел на деньги, затем взял их и зашел в бакалею поблизости. Он вышел вместе со сдачей, бутылкой дешевого вина и маленькой банкой томатной пасты. Он отдал сдачу и поставил пасту с вином рядом с отверстием; после того, как сам сделал несколько глотков, он протянул бутылку человеку в манто. Как только он увидел, что тот не взял, то опять исчез под землей. Он вернулся с пустой консервной банкой, у которой были заделаны края, чтобы не порезать рот человека, когда тот пьет из нее.

Страница 22

Он наполнил жестянку вином для человека в манто. Они сели на перила лестницы, спускающейся к отверстию, свесили ноги вниз и выпили вместе. За это время один автобус был упущен; вино закончилось, когда еще даже не подошел второй автобус. Они вместе сели в автобус. Продавец ремней заплатил и вышел у подъема, раньше на две остановки, чем человек в манто.

Как только он остался на задней площадке один, он прошел вперед. Когда он почти дошел до водителя, автобус затормозил, и он, не желая того, плюхнулся на одно из передних кресел. Человек, сидящий в противоположном ряду, улыбался. Сначала он не обратил внимания на улыбающегося человека. Однако улыбка не сходила с его лица. Он с

беспокойством поправил ремень. Улыбка не изменилась. Он посмотрел на свой воротник, полы, веревки на повязках: нет, не развязались. В его внешнем виде не было ничего неподобающего, он немного успокоился. Улыбающемуся человеку он ответил добрым взглядом. В конце концов, он понял, что тот улыбается, не глядя на него. Человек улыбался музыке, которую в автобусе никто не слышал кроме него, и которую в его левое ухо доносил наушник, соединенный тонким проводом с маленьким радиоприемником в кармане.

Он вышел из автобуса на широкой площади. Маленький чистильщик обуви поставил рядом с ним ящик. «Давайте отчистим пыль, господин?» – сказал он. Он с аккуратностью поставил ноги на ящик; грязь между повязками была тщательно вычищена белой кистью. Затем он купил кукурузу для голубей; раскинув руки, рассыпал ее птицам. Молодой человек в кепке, сидящий на ограде у входа в парк, сказал тому, кто был рядом с ним: «Словно истукан, посмотри на это». «Словно распятие», – исправил другой. Они засмеялись.

Он выпил у ворот парка бутылку газировки «заставляющую играть на скрипке тридцать два зуба». Он сел на одну из скамеек в тени. Он выслушал жалобы на жизнь старика, не слишком понятные из-за того, что у него не было зубов. Его внешний облик не казался никому странным из-за того, что приличные люди шли отдохнуть в другие места, и он никому не бросался в глаза. В конце концов, после просьб старика, он отвел его на остановку, взяв за руку.

Страница 23

Когда выходили из парка, к нему вновь прицепились. Сначала дети. Довольно много людей пришло на остановку. «Да покарает этих грязных иностранцев Аллах», – сказал один из них, грубый человек с усами на все лицо, выпустивший рубашку поверх брюк. «В этой стране они живут бесплатно». Водитель, который, облокотившись на дверь, ожидал пассажиров и ел что-то жирное, с мясом, тоже подтвердил эти мысли: «Поэтому наши деньги и

обесцениваются, брат». Старик дернул руку человека в мантию и сказал: «Переведите меня на противоположную сторону». Хотя они и стояли, такси, когда проезжало мимо, слегка их задело. Они обернулись и посмотрели. «Что смотришь?» – спросила высунувшаяся из окна голова. Они отступили назад, столкнулись с толпой, глазающей на них, старик стоял, теребя мантию. Из-за быстро проезжающих машин они никак не могли перейти на противоположную сторону. После нескольких попыток они замерли в ожидании на краю тротуара. «Все они наркоманы, употребляющие гашиш. Пусть несчастье выпадет на их головы». Водитель и человек с усами зажгли по одной сигарете. «Посмотри на человека», – сказала женщина своему мужу. Они посмотрели. «Дети прикрепили ему сзади хвост из бумаги». Они засмеялись. Он был зажат между машинами и детьми; он не мог отыскать пожилого человека. Толпа увеличивалась. «Его ноги в бинтах». «Хоть бы не прокаженный», – они, толкаясь, отходили в сторону. Ничего не боящиеся дети, то есть все дети, взяв его полы, развернули их. «Английские булавки прикреплены к его животу». «Веревки привязаны к рукам». «Осторожно, хоть бы он не сбежал из сумасшедшего дома». «Да это сумасшедший, посмотрите на ремень, который он нацепил поверх мантию». «Мантию?» «Женское?» «Какой женщины? Безумный маньяк». «Вызовите полицию». Для того чтобы скрыться от взглядов, он поднял голову: впереди человек на мосту снимал его на камеру. «Брат, они фильм снимают». Все взгляды обратились к мосту. Воспользовавшись этой короткой паузой, он повернулся спиной к мосту и ускорил свои шаги. Затем он побежал.

Он бежал прямо к поезду, быстро приближавшемуся издалека; он упал, когда перепрыгивал через забор, проволочное ограждение порезало ему руки. В конце концов, он достиг полотна железной дороги. Он шел вперед вдоль путей, а когда добрался до станции, с трудом переводя дыхание и весь в поту, рухнул на землю.

Когда он вставал, у него ноги запутались в полах, он упал. Затем, идя в обратную сторону, он удалился от станции. Он прислонился к стене женского туалета. Прошло несколько поездов, станция опустела. Тогда он пошел к кассе. Служащий в кассе посмотрел на его лицо и дал этому молчаливому человеку билет во второй класс. В поезде, на простых дощатых лавках, он ехал вместе с людьми грязными как он, уставшими как он, и равнодушными ко всему окружающему. Несмотря на запрещающие таблички, он курил вместе с ними сигареты, которыми они его угостили. Он сошел с поезда на станции, на которой из окна виднелось море.

Он вошел через ворота, на которых было написано «Общественный пляж». После того как он побродил некоторое время по песку, он сел на стул, который оставила пожилая женщина, вязавшая из шерсти. Вначале он привлек внимание молодежи, играющей на песке в мяч. Они указывали на него, толкая друг друга. Они кинули несколько раз мяч ему в голову. Когда он захотел уклониться от мяча, то упал на землю вместе со стулом. Они собрались вокруг него. Он испугался стены голых ног, он закрыл глаза. «У него эпилепсия», – сказал один из молодых людей, стоявший впереди. «Его ноги перевязаны. Должно быть, плохая болезнь», – сказала молодая девушка с приплюснутым носом и отступила назад. Толпа росла, те, кто очутился в задних рядах, для того, чтобы видеть его, толкались; кольцо вокруг него сжималось. Он так и не встал на ноги. Молодой человек с длинными усами, стоявший в третьем ряду, пробрался сквозь толпу. «Что ж мы не даем вздохнуть больному человеку», – произнося это, он расталкивал тех, кто был впереди. Но другие тотчас занимали их места. Толпа, будучи одним целым, совсем не двигалась, словно была прибита к земле. Они даже не разговаривали. Они только смотрели на него. «Вы поднимите его ноги вверх», – крикнул один сзади. «Облейте водой». Служащий, услышав эти слова, подумал, что пришло время вмешаться, чтобы должным образом поучаствовать в судьбе задыхающегося человека, он вышел вперед. И раскаленный песок, и манто, и ремень, и повязки обжигали человека,

лежащего на земле; толпа мешала ему дышать; он уже даже не вытирал пот, капающий с его лица. Служащий, установивший его неподобающее положение, предупредил человека в манто: «Вы не можете здесь находиться в таком виде».

Страница 25

«Пусть он снимет свое манто», – выкрикнул один из переднего ряда, его тело – черное пятно, покрытое мелкой щетиной, словно вываленное в песке. «Возможно, под ним у него ничего нет», – сказал молодой человек с грустным видом тому, кто был рядом с ним. «Я читал где-то о чем-то похожем на это». «Сейчас же уходите отсюда», – настаивал на своем служащий. «У вас нет права нарушать спокойствие народа». Молодой человек с длинными усами защищал его: «Он может сидеть здесь в одежде. Это не запрещено». «Женское манто!» «Извращенец!» – кричали они. «Вон», – произнося это, служащий попытался поднять человека на земле, схватив его за руку. «Он сам уйдет», – сказал молодой человек с усами. «Отпусти руку человека». Человек в белом манто поднялся с места, пошел на толпу; они тотчас расступились, оставив в кольце окружения свободное место, чтобы он смог пройти. Его глаза сгорали от пота; лицо было очень красное. Когда он шел, повязки на ногах развязывались. «Не в море!» – работник побежал за ним, крича это; путь ему преградил молодой человек с усами. Они оба потерялись в нахлынувшей толпе.

Вода, как только дошла до его лодыжек, подхватила полы его манто. Служащий, освободившийся от толпы, не смог пройти в своей форме дальше. Сначала полы манто раскрылись на воде, затем, намокнув, утонули. «Стой!» – закричал молодой человек с длинными усами. «Парень, не обращай внимания», – говорили они, – «Слишком далеко не уйдёт». Там было мелководе; когда манто полностью скрылось под водой, он уже отошёл от берега довольно далеко. Он ушёл слишком далеко. Они ошиблись.

Молодой человек с усами сильно опоздал. Ему и в голову не пришло, что человек в белом манто собирается уйти на глубину. Вдруг он вскочил с места;

однако уже не смог успеть. Он никогда раньше не сталкивался с такой ситуацией. Затем появились и другие добровольцы. Поиски не дали результата. Как только молодой человек с длинными усами вышел на берег, он сел на песок, с трудом переводя дыхание, прикрывая рот рукой, плюнул на землю и сказал: «Ну и история».

Приложение 2

Demiryolu Hikâyecileri - Bir Rüya

Страница 185

Ülkenin büyük şehirlere uzak bir dağ başı kasabasında, bir demiryolu istasyonunda çalışan üç hikayeciydik. İstasyon binasına bitişik yan yana üç kulübemiz vardı. Ben, genç yahudi, bir de genç kadın. Seyyar hikâye satıcılığı yapıyorduk. İşimiz pek parlak sayılmazdı; çünkü istasyonumuza tren çok seyrek uğruyordu. Ayrıca yalnız posta trenlerinin geldiği günler iyi iş yaptığımız söylenemezdi. Öğleden sonraları gelen posta trenlerinde daha çok elma, ayran ve sucuk-ekmek satılırdı. Bu saatlerde genellikle biz hikâyeciler uyurduk. Böylece gece için de dinlenmiş olurduk: Çünkü bizim bütün ümidimiz, geceyarısından sonra geçen tek eksprese bağlıydı. Öteki seyyar satıcılar bu saatlerde uyanıp gelemezlerdi çoğu zaman. Bizim de (hikayeciler) uyuyarak gece ekspresini kaçırdığımız olurdu. Oysa istasyon şefiyle de aramız iyiydi; fakat nedense genellikle bizi uyandırmayı ihmal ediyordu istasyonun bu tek memuru.

Страница 186

Ona da hak veriyorduk bir bakıma: Makasçılık yapıyordu, telgraflara bakıyordu, bütün işaretleri düzenliyordu; trenlere bilet satmak, kapıları açmak, kapamak... Bütün işler tek bir adamın üzerindeydi. Ona yaranmak için sık sık bedava hikâye veriyorduk; gene de bizi uyandırmayı unutuyordu bazen. Çoğu zaman, kendiliğimizden uyanmak zorundaydık. Bütün gün de hikâye yazdığımız düşünülürse, bunun pek kolay bir iş olmadığı da ortadaydı. Evet, öğleden sonraları uyuyorduk; ama genellikle akşam üzeri ilham geliyordu ve gecenin geç saatlerine kadar yakamızı bırakmıyordu. Bu 'yakamızı bırakmıyordu' sözüyle alay ediyordu istasyon şefi; biz de böyle anlarda, onun tek başına çalıştığını, her işe yetişemeyeceğini unutarak şiddetle eleştiriyorduk onu: istasyon şefliği odasına bitişik kulübelerimize kadar zahmet edemez miydi ekspresin geldiği sırada? Aynı iş yerinde çalışan memurlar sayılırdık bir bakıma. Üstelik bazı geceler, yemeği bile unutarak elle yazdığımız hikâyeleri, istasyon şefinin odasındaki tek daktiloda

temize çekiyorduk. Hikâyeciliğe ilk ben başladığım için daktilo yazarken ilk sırayı bana veriyorlardı arkadaşlarım. Fakat ben sıramı genellikle genç yahudi'ye veriyordum. Bu zayıf ve hastalıklı genç yahudi'yi çok seviyordum.

Evet, bir bakıma demiryolu idaresinin memurları sayılırdık: Kulübelerimiz de istasyon binası için ayrılan alana kurulmuştu, üstelik hepsi bir örnekti ve istasyon binası ile aynı mimari özellikleri taşıyordu, istasyon şefi gülerek, "memur hikâyeciler" diyordu bize. Sonra o bitip tükenmez tartışma başlıyordu: Hayır biz memur konumu içinde düşünülemezdik: Bir kere parça başına ücret alıyorduk. Ayrıca, bu ücret, ekspres yolcuları tarafından ödendiği için resmî bir ödeme sayılamazdı. Siz esnaf hikâyecilersiniz diyordu istasyon şefi bize. Aslında ben memur ya da esnaf olarak nitelendirilmek istemiyordum; biz sanatçıydık.

Страница 187

Ayrıcalı bir durumda olmalıydık. Ne var ki ayran, elma ve sucuk-ekmek satıcılarının uyanık olduğu gecelerde birbirimizi iterek yolculara mallarımızı beğendirmeye çalışırken 'ayrıcalı bir durumda' olduğumuz söylenemezdi. Biz de öteki satıcılar kadar bağıryorduk malımızı satmak için. Tabii genç yahudi'nin pek sesi çıkmıyordu; genç kadın da yiyecek satıcılarıyla perona inen yolcular arasında sıkışıp kalıyordu. Zaten satacak çok malımız da yoktu. İstasyon şefinin köhne daktilosunda her hikâyeden ancak bir iki kopya çıkarabiliyorduk. Son kopyalar da oldukça silikti, bunlara pek alıcı bulamıyorduk. Hikâyeler bir iki kere satılmadı mı, eskiyor; onlara müşteri bulmak güçleşiyordu. Çünkü güncel konuları işleyen hikâyeler yazıyorduk ve bir iki günlük modası geçmiş hikâyeleri uzattığımız zaman yolcular, yüzlerini buruşturarak, "Bunları biliyoruz, yeni şeyler yok mu?" diyerek bayat hikâyelerimizi suratımıza fırlatıyorlardı. O zaman da elma ve ayran satıcılarına kaptırıyorduk sıramızı.

Başka güçlüklerimiz de vardı: Tren her zaman bizim kulübelerin önünde durmuyordu. Birinci perona çoğu zaman yük vagonlarım yanaştırıyordu istasyon şefi. Bu yüzden ekspres, ikinci hatta üçüncü perona (bunlara 'peron' denilirse) yanaşmak zorunda kalıyordu. Yiyecek satıcıları bu durumu daha önce öğrendikleri için, treni oralarda bekliyorlardı. Biz hep son dakikada uyandığımız için, uyku

sersemi çoğu kere önce yük vagonlarına çarpıyorduk telaşla. Sonra vagonların çevresini dolaşmak, rayların arasından gece karanlığında dikkatle geçmek gerekiyordu. Trenin durduğu yer de iyi aydınlatılmıyordu. Özellikle bu, bizim için çok önemliydi: Küçük hasır sepetler içinde tomarlar halinde duran hikâyelerimiz, hemen satılmıyordu. Her yolcu, tomarları (genellikle hırpalayarak) açıyor, hiç olmazsa sayfalara bir göz atıyordu. Karanlık işimizi zorlaştırıyordu. Satırları iyi görmedikleri için baştan savma bir göz gezdirdikten sonra geri veriyorlardı.

Страница 188

Satışlar iyi gitmiyordu. Savaş yıllarıydı. Ekmek bile pahalıydı. Ayrıca sık sık karartma yapılıyor, istasyonun ölgün ışıkları eserlerimizi büsbütün aydınlatmaz oluyordu. Böyle gecelerde çalışmak da anlamsızlaşıyordu. Kara perdelerini sıkı sıkı örttüğümüz pencerelerimizin gerisinde, mavi kâğıtlara sardığımız lambaların donuk ışığında, satılıp satılmayacağı belirsiz kısa hikâyelerimizi yazmaya çalışıyorduk. Allahtan, aldıkları malı doğru dürüst incelemeden, üstelik iki misli para vererek kapışan yataklı vagon yolcuları vardı. Bunlar yemeklerini yemekli vagona yedikleri için bizim pis ayrıncılara, elmacılara ve sucuk-ekmekçilere (özellikle onlara) aldırılmazlardı. Ülkede taze olarak hikâye satılan tek istasyon olduğu için bizim ünümüzü de duymuşlardı. Onlara her zaman ilk kopyayı ayırırdık: titiz müşterilerdi. Ne var ki onların da rahat yataklarından kalkmaları, geceyarısından sonra bir hikâye almak için uyanmaları kolay değildi. Gene de bir kolayını bulmuştuk: Yataklı vagon memurlarına birkaç kuruş vererek yolcuları bizim istasyonda uyandırmalarını sağlıyorduk. (Ayrıca, her gelişlerinde bedava birer hikâye alıyorlardı bizden. Okuduklarını pek sanmıyorum. Herhalde elden düşme satıyorlardı.) Yataklı vagon yolcuları da olmasa halimiz haraptı. Bunlardan bazılarıyla ilişki de kurmuştuk. Acıklı durumumuzu bildikleri için, onları geçirmeye gelen dostlarının getirdikleri pasta, kurabiye gibi yiyecekleri de bize verdikleri olurdu. Genellikle geceleri çalıştığımız için çok acıkıyorduk. Hikâyeleri geceleri yazıyor, geceleri temize çekiyor, geceleri satmaya çalışıyorduk. Ekspres uzaklaştıktan sonra yorgun argın istasyon binasına döner; bekleme odasında, yataklı vagon yolcularının verdiği kurabiyeleri yedik. Bazen öteki satıcılar da

gelirdi bizimle birlikte. Ayrancı, satamadığı ayranından ikram ederdi bize; nasıl olsa ertesi sabaha kadar ekşiyecekti ayranı.

Страница 189

Bize biraz acıyorlardı galiba. Elmacı da -her zaman değil- bir elma soyardı bizim için. Biz onlara satamadığımız hikâyelerimizi veremezdik: Hiçbiri okuyup yazma bilmiyordu. Sadece sucuk-ekmekçi bazen hikâyelerimizden -hangimizinki olursa olsun- isterdi, son kopyalardan olmak şartıyla: İnce kâğıttan olduğu için sigara sarıyordu hikâyelerimize.

Bazen, neşeli olduğum zamanlar, yani satışlar iyi gitmişse, yiyecek satıcılarına hikâyelerimi okurdum. (Genç kadın buna karşıydı.) Sucuk-ekmekçiyle elmacı daha ilk satırlarda uyuklamaya başlardı, fakat sonuna kadar kalırlardı bekleme odasında. (Hikâyenin sonuna doğru da uyanırlardı.) Ayrancı bütün dikkatiyle dinlerdi beni; bu ilgi hoşuma giderdi. Elimden geldiği kadar hikâye kahramanlarının konuşmalarını canlandırmaya çalışırdım okurken. Sonunda sucuk-ekmekçi başını sallar, kötü günler yaşıyoruz diyerek içini çekerdi. Olur böyle şeyler derdi elmacı da: İnsan neler görüyor yaşadıkça. Satıcıların acıklı öykülerini anlatan hikâyeler de yazmıştım. Bunları dinlerken ayrancı bile uyuklardı.

İstasyon şefinin de yazdıklarımıza aldıracağı yoktu; fakat nedense, her hikâyemizden muhakkak bir kopya alır ve bunları özenle dosyalayarak ayrı bir dolapta saklardı: Yönetmelikler böyle gerektiriyormuş. Demiryolları idaresinin toprakları içinde yazıldıkları için 248. maddenin kapsamına giriyormuş bizim durumumuz. Kanun maddelerinden söz edilince ben elimde olmayarak kızardım: Bizim durumumuzu düzeltecek, bize de istasyon toprakları içinde şerefli bir yer verecek yasalar yok muydu? Bizi sucuk-ekmek yasalarıyla bir tutan bir anlayışa her zaman karşıydım. Gene uzun bir tartışma başlardı: İstasyon şefi dolaplardan kara kaplı kitaplardan indirir, yiyecek satıcıları hakkında Sağlığı Koruma Yasalarının uygulandığını ileri sürerdi.

Страница 190

Bence durum gittikçe kötüleşiyordu. Genç yahudi gittikçe zayıflıyordu. Bence gizli bir hastalığı vardı. Onu tedavi ettirecek paramız yoktu. Demiryolları hastanesi

de bizi kabul etmiyordu. Ben kızılıyordum istasyon şefine: Bizi 248. maddenin kapsamına sokarak elimizden hikâyeleri neredeyse zorla almasını biliyorlardı. Genç yahudi'yi tedavi ettirecek bir madde bulunamaz mıydı? İşlerin kötü gittiğini herkes biliyordu. Daha kestirme bir ulaşımı sağlamak için bizim istasyona uğramayan bir demiryolu yapılacağı söylentileri de dolaşıyordu. Artık sadece posta trenleri uğrayacaktı buraya.

Üzüntüler içindeydim, üstelik âşık olmuşum. Elbette, üçüncü kulübede oturan genç kadına âşık olmuşum. Bir gece, bizi tanımayan bir yataklı vagon memuru onu iterek vagon kapısından dışarı atmıştı. Seyyar satıcıların yataklı vagona girmesi yasaktı. Genç kadın tozlu yerlere düşmüş, sepeti, hikâyeleri ortalığa saçılmıştı. Onu teselli ettim, saçlarını okşayarak ağlama, dedim. Peronda ikimizden başka kimse yoktu. Öteki satıcılar çabuk satmışlardı mallarını, hemen ayrılmışlardı istasyondan; son zamanlarda onlarla aramız iyi değildi: Yataklı vagonlara kapalı şişelerde, Sağlığı Koruma Yasalarına uygun olarak hazırlanmış gazoz, saydam kâğıtlara sarılmış sucuk-ekmek filan satmak istiyorlardı. Yataklı vagon memurunu da ayarlamışlardı. Yarabbi, her gün neden yeni sıkıntılar çıkıyordu? Bu doymak bilmeyen yataklı vagon yolcuları da, yemekli vagonda o kadar yemek yedikten sonra -kim bilir neler yiyorlardı- geceyarısından sonra gene acıkıyorlardı. Allahtan geçici bir tüzük maddesi bulmuştuk ve henüz yataklı vagona yaklaşmaya cesaret edemiyorlardı bu yüzden. Bu münasebetsiz yasa da bir ay sonra yürürlükten kalkıyordu. İkimiz -genç kadınla ben- gece soğuşunda titreyerek birbirimize sarılmıştık. Bizi bu kasabaya hangi rüzgâr atmıştı? Ne kötü şartlar altında çalışıyorduk. Yiyecek satıcılarıyla, tren memurlarıyla, açlıkla ve sefaletle uğraşmaktan sanatımızı doğru dürüst yapamıyorduk.

Страница 191

Her şeyden önce doğru dürüst kitabımız bile yoktu. Bu şartlar altında bizden ne beklenebilirdi? Düşündükçe durumumuzun ümitsizliğini ve garipliğini daha iyi anlıyordum: Aslında istasyon binasının yanında bize kutu gibi odalar vermekle demiryolları idaresi hiç de bizim yararımıza çalışmamıştı. Gündüzleri gürültüyle düdüğü çalarak geçen trenler yüzünden sürekli uyuyamıyorduk. Yazdıklarımızın da

değeri bilinmiyordu: Geçen gecelerden birinde genç ve düzgün yüzlü bir yataklı vagon yolcusu, kendisine daha önce sattığımız hikâyelerin bir kısmını tanınmış bir eleştirmene gösterdiğini ve bu ünlü yazarın da hikâyeleri çok basmakalıp ve modası geçmiş bulduğunu söylemişti. Yağmur çiseliyordu, sepetteki hikâyelerin dış sayfaları ıslanıyordu. Sonbahardı. İnce ve her tarafı sökülmiş eski kazağımın içinde titriyordum. Bu şartlarda daha iyi ne yazabilirdim? Birden genç yataklı vagon yolcusuna sinirlenerek buz gibi bir sesle, isterseniz geri verin hikâyeleri, paranızı da alın demiştim. Aslında yalan söylüyordum: Cebimde meteliğim yoktu.

Bunları düşünerek dalmış gitmişim. Çevremin farkında değildim. Tren uzaklaşmıştı. Birden kollarımın arasında genç kadını gördüm. Bana sokulmuş, başını göğsüme dayamıştı. Onu öptüm. Hikâye sepetlerimizi koluma taktım, uzaktan ışıkları görünen istasyonumuza doğru yürüdüm. O gece genç kadınla, ümitsizliğin ve yalnızlığın verdiği karışık duygular içinde seviştik. Şimdi bu satırları yazarken, öteki satıcıların, asık suratlı istasyon şefinin ve rayların arasında sıkışıp kalmış kulübemde yazmış olduğum bir günlük hikâyelerimin ucuz duyarlığına kapılmış olmaktan korkuyorum. Evet genç kadını seviyordum, sık sık onun kulübesine gidiyordum. Genç yahudi'nin odası ortada olduğu için genç kadına giderken yahudi'nin evinin önünden geçmek zorunda kalıyordum ve bu durumdan sıkılıyordum.

Страница 192

Genç yahudi'nin de hastalığı ilerlemişti. Artık her gece, eskisi gibi hikâye satmaya çıkamıyordu; hikâyelerinin sayısı da gittikçe azalıyordu. Son günlerde onun hikâyelerini de ben yazmaya başlamıştım. O kadar halsizdi ki bu yardıma bile itiraz edemiyordu. Kendini iyi hissettiği zamanlar masasının başına geçiyor çok kısa hikâyeler yazıyordu. İstasyon şefi bunları az buluyor ve şimdi hatırlayamadığım bir yönetmelik maddesine göre, kulübelerimizin kirasını çıkarmamız için daha çok yazmamız gerektiğini ileri sürüyordu. Yazdığımız konulara, hatta yazış biçimimize bile karışır olmuştu.

Ben o sıralarda aşk hikâyeleri yazmaya başlamıştım. İstasyon şefi, dedikodulara yol açacağını ileri sürerek bunlara da engel olmak istedi. Onun bütün

hareketlerine ister istemez boyun eğiyorduk. Buradan atılırsak, böyle içinde hikâye yazma kulübeleri olan başka bir tren istasyonunu nereden bulacaktık? Sevgilim, istasyon şefinin yemeklerini pişirip süküklerini dikiyordu, mesele çıkmasın diye. İstasyon şefi bizi küçümsüyordu, yanılmıyorsam aslında her zaman küçümsemişti. Şimdi de demiryollarının sayesinde ekmek yediğimizi ileri sürerek sadece bu konuda hikâyeler yazmamızı istiyordu. Kendisini örnek veriyordu: Hiç istasyon şefi demiryollarının dışında bir iş yapıyor muydu? Ona boş yere her gün demiryolları ile ilgili yeni konular bulmanın zorluğunu anlatmaya çalıştım. Aslında bizim bu işe yanaşmayacağımızı biliyordu. Güç şartlar altında sürdürmeye çalıştığımız yaşayışımızda yeni bir endişe kaynağı yaratmak için üst makamlara aleyhimize raporlar yazacağını söyleyerek bizi tehdit ediyordu. Öteki satıcılarla da bozuşmuştuk. Ülkenin bu ıssız köşesinde birkaç kişiden ibaret küçük topluluğumuzda huzur içinde yaşamayı beceremiyorduk.

İçimin yorulduğunu hissediyordum. Her gece yarısı yarım kalan uykular, tren düdüklere, anlayışsız ve cahil ya da rahat ve kendini beğenmiş bir müşteri kalabalığına yeni hikâyeler bulma zorunluluğu, hastalığı gittikçe ağırlaşan genç yahudi ve gittikçe huysuzlaşan istasyon şefimiz... hangi tarafa yetişeceğimi bilemiyordum.

Страница 193

Sevgilim de yorgun ve bezgindi; onun da hikâyelerine yardım etmek zorundaydım.

Düşüncemin bulandığını seziyordum. İstasyon dışındaki dünya ile ilişkilerim de gittikçe zayıflıyordu. Günlerin nasıl geçtiğini izleyemiyordum artık. Hikâyelerim için güncel olaylar bulmakta, insanları ve maceraları birbirine bağlamakta eski becerim kalmamıştı. Önemli olayları bile öğrenemiyordum çoğu zaman. Evet bazı olayları biliyordum: Savaş bitmişti. Cephelerden akın akın dönen askerler geçiyordu trenler dolusu. Onlardan kırık dökük bilgiler toplayarak savaş hikâyeleri yazdım bir süre. Bu arada birçok şeyi hatırlayamıyordum: Savaş bizim ülkede mi geçmişti? Yoksa uzak çöllerde mi savaşılmıştı? Topraklarımız genişlemiş miydi, daralmış mıydı? Genç yahudi bitkin gülümsemesiyle karşılık veriyordu bana: Bizim istasyon hep aynı yerde kaldığına göre, bunların önemi var

myıdı? Top sesleri duymadıđımıza gre, savař hibir zaman bizim istasyona yaklařmamıřtı.

Sonra, hikyelerime asık suratla gz gezdiren yataklı vagon yolcularının yzlerinden savař biteli ok olduđunu anladım. Bir yolcu da řehir isimlerinde nemli yanlıřlıklar yapmaya bařladıđımı syledi bir gn. Yneticilerimizin adlarını da birbirine karıřtırıyor ya da unuttuyordum. yle ya yıllardır insan adlarını hi yksek sesle sylenmemiřtim. İstasyon topluluđumuzda yıllardır birbirimize seslenmiyorduk. Byle bir geređi hi duymamiřtik. İstasyonun adı bile, sadece yan duvara, badananın stne yazıldıđı iin silinip gitmiřti, unutulmuřtu. Geređinde kelimeleri aramak iin bir szlđmz bile yoktu. Her gn yazmak zorunda olduđum hikyelerin dıřında kalan kelimeleri hatırladıđımdan da kuřkuluydum. Yiyecek satıcılarıyla konuřmuyorduk. İstasyon řefi de aksiliđini artık yalnızca hareketleriyle ifade eder olmuřtu.

Страница 194

Gen yahudi artık konuřamayacak kadar hastaydı, istediklerini bařıyla iřaret ederek belirtiyordu. Gen kadınlı sessizce seviřiyorduk. Bu duruma kısa srede aliřtim.

Aslında geen srelerin kısalıđı hakkında kesin bir yargıya da yaramıyordum. Alıřmaktan bařka arem yoktu bu duruma. Artık ok gen deđildim. Hikye yazmaktan bařka bir iř de bilmiyordum. Artık byk řehire gidemez, kendime yeni bir hayat kuramazdım, istasyon dıřındaki dnya ile iliřkilerimiz de gittike kendiliđinden azalıyordu. Gazetelerin pahalıması ve artık trenden bařka aralarla tařınması yznden nce gncel olaylarla iliřiđimizi kestik. Sonra yeni demiryolu hattı aıldı ve ekspres haftada bir gn uđramaya bařladı. Bu benim de iřime geliyordu. Artık bir ırpıda biten ve beni telařla peřinden kořturan kısa hikyeler yazmak istemiyordum.

Btn gn odamdan ıkmadan yazıyordum. Yalnız bitiřikteki kunduracının grlts aklımı karıřtırıyordu. nk artık gen yahudi yoktu; bir sre nce lmřt. Aslında ben yanıma gen kadının tařınmasını istiyordum. Ne var ki istasyon řefi, ben daha bu isteđimi belirtmeye fırsat bulamadan bir gn -bir sre

önce- kunduracıyla göründü. Adam da hemen yerleşti. Bu dağ başında onun işi de bizimkinden iyi sayılmazdı. Kunduracıya genç kadının kulübesine geçmesini teklif etmeyi düşünüyordum. Bu düşüncem de sanıyorum çok uzun sürmüştü. Çünkü bir gün onun kulübesine gittiğim zaman, yani ona bu teklifimi bildirmek için... Neyse biraz aklım karıştı. Fakat şöyle olmuştu: Yani genç kadın bir süre önce gitmişti. Evet kulübesi boştu. Benim uzun hikâyelerimden birini yeni bitirdiğim ve uyuyakaldığım bir gece, trene binip gitmişti. O günlerde kafam daha da karıştı. Bu uzun hikâyelerim nedense hiç satmıyordu. Ben de haftada bir satış yaptığım için galiba biraz fazla istiyordum. Hikâyelerin de açık ve seçik olduğu söylenemezdi.

Страница 195

Günlerimi yarı aç yan tok geçiriyordum. Bir gün -yani bir süre sonra- bir yolcu daha önce -bir süre önce- kendisine satmış olduğum hikâye hakkında ağır eleştirilerde bulundu. Sayfa numaraları da karıştı. Ben de ona bir haftadır aç olduğumu söyledim. Hayır söylemedim. Bunu başka bir yolcuya -bir süre sonra- söyledim. Bir süre önceki yolcuya her şeyi bilerek yaptığımı anlatmaya çalıştım. Birçok şeyi unutuyordum. Fakat eleştiriler konusunda hassastım. Böyle zamanlarda, bir de çok endişelendiğim zamanlarda eski canlılığımı buluyordum. Sonra kaybediyordum - bir süre sonra, istasyon şefi beni atacağını, artık bir işe yaramadığımı söylediği zamanlar endişeleniyordum mesela. Oysa, pek alıcı bulamamakla birlikte, daha iyi hikâyeler yazdığımı sanıyordum. Kundura tamircisi de dünyada olup bitenler hakkında bir şeyler anlatıyordu. Bunların neler olduğunu şimdi tam olarak hatırladığımı sanmıyorum. Fakat karışık ve akıl erdiremediğim bir dünyayı anlatıyordu tamirci. Ona okumaya çalıştığım hikâyelerimi de dinlemiyordu. Oysa ben onların gittikçe ifade edilmesi güç bir açıdan gittikçe daha büyük değer taşıdığını seziyordum. Bunu tamirciye anlatamıyordum. Çünkü gitmişti, beni yalnız bırakmıştı. Son konuşmamızdan sonra -bir süre sonra tabii- istasyondan ayrılmıştı.

Bu, son yazdığım hikâyelerden biri. Bunun gibi daha birçok hikâye birikti. Hikâyelerimin hepsi kafamda. Hepsini çok iyi hatırlıyorum. Henüz hepsini yazmış

olmayabilirim. Şimdi bazı geceler, eski alışkanlığımla, geceyarısı uyanıyor ve bu yeni hikâyelerimi sepetime -ya da genç kadının sepetine, ya da şimdi ölmüş bulunan genç Yahudi'nin sepetine- özenle yerleştiriyorum, demiryoluna çıkıyorum. Artık tren geçmiyor buradan. Son günlerde istasyon şefini de nedense ortalarda göremiyorum, izinli olduğunu sanıyorum - çünkü yıllardır hiç tatil yapmamıştı. Onun elbiseleri de şimdi benim üzerimde.

Страница 196

Giderken yerine beni bırakmış olmalı. Trenler de nedense uğramıyor. Neyse, bunlar önemsiz ayrıntılar.

Korkuyorum. Çünkü buradan gitmek istiyorum. Bakkal daha veresiyeyi kesmedi. Fakat bu durum artık bir süre daha bile süremez. Bakkaldan utandığım için sormadım, bir zamanlar -bir süre önce- aynı çekingenlik yüzünden kundura tamircisine de sormamıştım: Bir mektup yazmak istiyordum, ama adres bilmiyordum. Yani hiçbir adres bilmiyordum. Buna inanmazlardı, bunun için utanıyordum. Bana herhangi bir adres söyler misiniz? diyemezdim. Oysa herhangi bir adres yeterliydi benim için. Bir zorluk daha vardı o zamanlar. Şimdi de var - yani bir süre geçtiği halde. Kendi adresimi de bu mektupta yazmak sorunu beni düşündürüyor. Bu hikâyemi, ekspres ya da posta treni artık -belki de sadece belirli bir süre için- geçmediği halde, bir yolunu bularak okuyucularıma -artık müşterim kalmadı- iletebilsem bile, nerede bulunduğumu nasıl anlatacağım? Bu sorun da beni düşündürüyor. Ama gene de ona yazmak, hep onun için yazmak, ona durmadan anlatmak, nerede olduğumu bildirmek istiyorum. Ben buradayım sevgili okuyucum, sen neredesin acaba?

23 Haziran 1976

26 Eylül 1977

Железнодорожные рассказчики – сон

Страница 185

Мы были тремя рассказчиками, работавшими на железнодорожной станции в далеком от больших городов горном поселке. У нас были три хижины рядом друг с другом, смежные со зданием станции. Я, молодой еврей и еще одна молодая девушка. Мы продавали дорожные рассказы. Наши дела не слишком процветали; потому что на нашу станцию очень редко заезжали поезда. Кроме того, нельзя было сказать, что мы перерабатывались в дни, когда приезжали только почтовые поезда. В почтовых поездах, приходивших после полудня, продавалось больше яблок, айрана и хлеба с колбасой. В такие часы мы, рассказчики, обычно спали. Так мы отдыхали, готовясь к вечеру: потому что вся наша надежда связывалась с единственным экспрессом, приходившим после полуночи. Другие уличные торговцы в это время в большинстве случаев не могли проснуться и прийти. Случалось так, что и мы (рассказчики), заснув, тоже пропускали ночной экспресс. Хотя наши отношения с начальником станции были хорошие; однако обычно этот единственный служащий на станции почему-то не обременял себя заботой будить нас.

Страница 186

Мы отдавали ему должное: он выполнял обязанности стрелочника, смотрел за телеграфом, регулировал все знаки; а еще продавать билеты на поезда, открывать-закрывать двери... Все дела на одном человеке. Для того чтобы угодить ему, мы часто раздавали рассказы бесплатно; и все же иногда он забывал разбудить нас. В большинстве случаев мы должны были просыпаться сами. Если принять во внимание, что весь день мы писали истории, было очевидно, что это была не очень уж легкая работа. Да, после полудня мы спали; но обычно под вечер приходило вдохновение и прицеплялось до глубокой ночи. Над этим «прицеплялось» насмехался начальник станции; мы же в такие моменты с яростью критиковали его, забывая, что он работал в одиночку и не мог все успеть: было ли дело

начальнику станции до наших хижин, смежных с его конторой, когда приходил экспресс? Но ведь мы же считались служащими, которые работают вместе. Более того, иногда по ночам на пишущей машинке в комнате начальника станции мы делали чистовые копии рассказов, которые писали от руки, забывая даже поесть. Из-за того, что я первый начал писать истории, мои друзья, когда доходило до перепечатывания, давали мне машинку в первую очередь. Однако обычно я отдавал свою очередь молодому еврею. Я очень любил этого слабого и болезненного молодого еврея.

Да, с одной стороны, мы считались служащими железнодорожной администрации: даже наши хижины были построены на станционной территории, кроме того, они были все одинаковые и в одном архитектурном стиле со зданием самой станции. Начальник станции называл нас, смеясь: «служебные рассказчики». Затем начинался этот нескончаемый спор. Нет, мы не могли представить себя в положении служащего, раз уж мы получали сдельную заработную плату. Кроме того, эта заработная плата не могла считаться официальным жалованием из-за того, что выплачивалась пассажирами экспресса. Вы – ремесленники, рассказчики-кустари, – говорил нам начальник станции. На самом деле я не хотел характеризовать себя как служащего или ремесленника; мы были художниками, творцами.

Страница 187

Мы должны были быть на особом положении. Однако нельзя было сказать, что мы были «в привилегированном положении», когда проталкиваясь, старались продать наш товар пассажирам, особенно в такие ночи, когда торговцы айраном, яблоками и колбасой с хлебом тоже бодрствовали. Мы так же кричали, как и другие торговцы, чтобы продать свой товар. Конечно, молодой еврей не очень надрывал голос; молодая девушка терялась, застревающая между торговцами едой и пассажирами, сошедшими на перрон. Да у нас и не было много товара на продажу. На старой машинке начальника станции мы могли отстучать только несколько копий каждого рассказа. Последние копии были довольно бледные, мы не могли найти на них

покупателей. Если рассказы несколько раз не продавались, они устаревали; становилось все труднее найти на них покупателя. Потому что мы писали рассказы, затрагивающие актуальные темы, и пассажиры, когда мы протягивали им рассказы, устаревшие на несколько дней, хмуря лицо, говорили: «Это мы знаем, нет ничего нового?» – и бросали нам в лицо наши старые рассказы. Тогда мы передавали свою очередь торговцам яблоками и айраном.

У нас еще были и другие трудности: поезд никогда не останавливался перед нашими хижинами. Начальник станции останавливал грузовые составы обычно у первого перрона. Поэтому экспресс вынужден был подходить ко второму, даже третьему перрону (если это можно назвать «перрон»). Торговцы едой из-за того, что поняли эту ситуацию раньше, ждали поезд именно там. Из-за того, что мы просыпались всегда в последнюю минуту, мы сначала много раз в спешке как сонные мухи тыкались в грузовые вагоны. Затем было необходимо обходить вагоны и внимательно проходить в ночной темноте между рельсами. Место, где останавливался поезд, хорошо не освещалось. А это было для нас особенно важно: наши рассказы, лежавшие в виде свитков в маленьких плетеных корзинах, тут же переставали продаваться. Каждый пассажир разворачивал свиток (обычно сминая и разрывая его) и, по крайней мере, просматривал страницы. Темнота усложняла нашу работу. Из-за того, что они толком не видели строки, они возвращали листы, лишь небрежно их просмотрев.

Страница 188

Продажи шли неважно. Это были годы войны. Даже хлеб был дорог. Кроме того, часто случались затемнения, слабый свет станции совершенно не освещал наши произведения. В такие ночи работать было бессмысленно. Мы пытались писать наши короткие рассказы, которые еще неизвестно продадутся или нет, в тусклом свете ламп, которые мы обернули синей бумагой, укрывшись за нашими окнами, которые мы плотно закрыли черными занавесками. К счастью, были пассажиры спального вагона,

которые набрасывались, не рассмотрев толком наш товар, который покупали, кроме того, они давали вдвое больше денег. Они не обращали внимания на наших грязных торговцев айраном, яблоками и колбасой с хлебом (особенно на них) из-за того, что ели в вагоне-ресторане. Они слышали о нашей славе из-за того, что это была единственная станция в стране, на которой продавались свежие рассказы. Каждый раз мы выделяли им первые копии: они были капризными покупателями. Однако, то, что они поднялись с удобных постелей и пробудились после полуночи, для того, чтобы купить рассказы, не было таким уж пустячным делом. Но мы нашли способ: мы обеспечивали пробуждениями пассажиров на нашей станции, давая несколько курушей проводникам спального вагона. (Кроме того, они получали от нас по одному рассказу бесплатно в каждом рейсе. Я точно не уверен, что они их читали. По всей вероятности они их перепродавали). Если бы не пассажиры спального вагона, наше положение было бы совсем жалким. Мы даже установили приятельские отношения с некоторыми из них. Из-за того, что они знали наше печальное положение, они передавали нам еду, курабье и пирожные, которые друзья принесли, провожая их. Обычно из-за того, что мы работали ночью, есть хотелось очень сильно. Мы писали рассказы ночью, делали чистовые копии ночью, пытались продавать их тоже ночью. После того, как отходил экспресс, мы возвращались уставшие в здание станции; в зале ожидания ели курабье, которое дали пассажиры спального вагона. Иногда другие торговцы приходили вместе с нами. Торговцы айраном угощали нас айраном, который не смогли продать; так или иначе до следующего утра айран прокис бы.

Страница 189

Возможно, они немного жалели нас. Торговцы яблоками – не каждый раз – чистили для нас яблоки. Мы не могли дать им рассказы, которые не смогли продать: никто из них не умел читать и писать. Только торговцы колбасой с хлебом иногда просили наши рассказы – все равно какие, но при условии, что

они будут из последних копий: они сворачивали из наших рассказов сигарки, потому что они были на тонкой бумаге.

Иногда, когда я был весел, то есть если продажи шли хорошо, я читал свои рассказы торговцам едой. (Молодая девушка была против этого). Торговцы яблоками и колбасой с хлебом начинали дремать уже на первых строках, однако оставались в зале ожидания до конца. (Они просыпались точно к концу рассказа). Торговцы айраном слушали меня со всем вниманием; такое отношение мне очень нравилось. Я старался насколько мог оживить разговоры героев рассказа, когда читал. В конце концов, торговцы колбасой с хлебом качали головами и тяжело вздыхали, говоря: мы переживаем тяжелые времена. Возможно, такие вещи говорили и торговцы яблоками: что еще видит человек в жизни. Я написал истории по печальным рассказам торговцев. Но даже продавцы айрана дремали, когда слушали их.

Начальник станции не принимал всерьез то, что мы пишем; однако, почему-то непременно покупал копии каждого нашего рассказа и прятал их в отдельный шкаф, старательно подшивая к делам: наверное, так требовали инструкции. Наше положение регулировалось 248 статьей из-за того, что мы осуществляли свою деятельность на землях, находящихся в ведении администрации железных дорог. Как только упоминалась одна из статей закона, я злился от бессилия: разве не было закона, который бы исправил наше положение, который бы дал нам почетное место на территории станции? Каждый раз я был против такого толкования, что закон уравнивает нас с торговцами колбасой и хлебом. Опять начинался долгий спор: начальник станции выводил из кодексов, которые доставал из шкафов, утверждение, что это вытекает из Законов об охране здоровья, применяемых в отношении торговцев едой.

Страница 190

По-моему, положение постепенно ухудшалось. Молодой еврей постепенно ослабевал. По-моему, у него была скрытая болезнь. У нас не было денег, чтобы лечить его. Железнодорожная больница нас не принимала.

Я злился на начальника станции: ведь они знали, что почти присваивают наши рассказы, включая нас в сферу применения 248 статьи. Имелась ли статья, которая вылечит молодого еврея? Все знали, что дела шли плохо. Ходили слухи, что собираются сделать железную дорогу, которая не будет заходить на нашу станцию, для того чтобы обеспечить более короткое сообщение. Сюда собирались заходить уже лишь почтовые поезда.

Я был в печали, кроме того, я был влюблен. Конечно, я был влюблен в молодую девушку, жившую в третьей хижине. Однажды ночью незнакомый нам проводник спального вагона вышвырнул ее пинками из дверей вагона. Был запрет входить уличным торговцам в спальный вагон. Молодая женщина упала на пыльную землю, ее корзина и рассказы рассыпались вокруг. Я успокоил ее, сказал: не плачь, – поглаживая волосы. На перроне не было никого, кроме нас двоих. Другие торговцы быстро продали свой товар и тотчас ушли со станции; в последнее время наши отношения с ними не заладились: они хотели продавать спальным вагонам колбасу с хлебом в прозрачной упаковке, газированную воду в закрытых бутылках и прочее, в полном соответствии с Законами об охране здоровья. Эти законы регулировали даже проводников спальных вагонов. О господи, почему каждый день появлялись новые трудности? Пассажиры спальных вагонов, не знающие, что такое насыщение, после того как так много съели в вагоне-ресторане – кто знает, что они ели – за полночь вновь чувствовали голод. Слава Богу, мы нашли временную статью устава, и поэтому эти торговцы едой не могли даже осмелиться приблизиться к спальным вагонам. Этот нелепый закон отменялся через месяц. Мы вдвоем – я и молодая девушка – обнимали друг друга, трясаясь в ночном холоде. Какой ветер занес нас в этот поселок? В каких жутких условиях мы работали. Мы тратили так много сил на уличных торговцев едой, на служащих поездов, на борьбу с голодом и нищетой, что не могли как следует творить.

Страница 191

Прежде всего, у нас не было даже правильных книг. Что от нас было ждать в таких условиях? По мере того как я размышлял, я лучше осознавал странность и безнадежность нашего положения: на самом деле, администрация железной дороги, выделив нам при здании станции комнаты, похожие на коробки, совершенно не заботилась о нашей пользе. Мы не могли заснуть из-за проходивших поездов, которые днем, гудя, с шумом проносились мимо. Оценка того, что мы писали, была неизвестна: в одну из прошедших ночей пассажир спального вагона с молодыми и правильным лицом сказал, что он показал часть рассказов, которые мы продали ему ранее, прославленному критику, и этот знаменитый писатель нашел рассказы очень банальными и вышедшими из моды. Моросил дождь, верхние страницы рассказов в корзинке промокли. Была осень. Я дрожал в тонком и порванном со всех сторон старом свитере. Что лучше я мог написать в этих условиях? Вдруг я сказал ледяным голосом, злясь на молодого пассажира из спального вагона: если хотите, верните рассказы, заберите ваши деньги. На самом деле я соврал: в моем кармане не было ни гроша.

Я шел, размышляя об этом. Я не замечал происходящего. Поезд отошел. Вдруг в своих объятьях я увидел молодую девушку. Она прижалась ко мне, склонив голову к моей груди. Я поцеловал ее. Я взял в руку наши корзины с рассказами и пошел прямо к нашей станции, на которой издалека виднелся свет. В ту ночь мы с молодой девушкой занимались любовью со смешанными чувствами, которые давали безнадежность и одиночество. Когда сейчас я пишу эти строки, то боюсь увлечься дешевой чувствительностью моих однодневных рассказов, которые писал в своей хижине, зажатой между рельсами, угрюмым начальником станции и другими торговцами. Да, я любил молодую девушку, я часто ходил к ней в хижину. Из-за того, что комната молодого еврея была посередине, я вынужден был проходить перед его домом, когда шел к девушке, и очень стеснялся этой ситуации.

Болезнь молодого еврея прогрессировала. Он уже не мог выходить продавать рассказы каждую ночь как раньше; да и число самих рассказов постепенно уменьшалось. В последние дни я начал писать рассказы за него. Он был настолько обессилен, что даже не мог возразить против этой помощи. Когда он хорошо себя чувствовал, переходил к столу и писал очень короткие рассказы. Начальник станции считал это недостаточным и утверждал, что необходимо, чтобы мы больше писали. Якобы для того, чтобы отрабатывать аренду наших хижин, согласно статье инструкции, которую я сейчас не могу вспомнить. Он вмешивался в сюжеты, темы и даже в нашу манеру письма.

В это время я начал писать любовные рассказы. Начальник станции хотел этому воспрепятствовать, настаивая на том, что это даст повод для слухов. Мы подчинялись всем его требованиям, хотели того или нет. Если бы нас уволили отсюда, как бы мы нашли другую железнодорожную станцию, на которой были бы хижины для сочинения рассказов как на этой? Моя любимая штопала дырки и готовила еду начальнику станции для того, чтобы не создавать проблем. Начальник станции недооценивал нас, если я не ошибаюсь, он на самом деле всегда нас недооценивал. Он хотел, чтобы мы писали рассказы только на определенные темы, настаивая на том, что мы едим благодаря железной дороге. Он приводил собственный пример: подрабатывал ли хоть один начальник станции вне железной дороги? Напрасно каждый день я пытался объяснить ему, что трудно находить новые темы, связанные с железной дорогой. На самом деле он знал, что мы не согласимся на такую работу. Он угрожал нам, говоря, что напишет рапорты на нас в высшие инстанции для того, чтобы создать новый источник беспокойства в нашей жизни, которую мы старались наладить в этих тяжелых условиях. К тому же мы поссорились с другими торговцами. Мы не могли безмятежно жить нашим маленьким, всего несколько человек, коллективом в этом безлюдном уголке страны.

Я чувствовал, что устал. Незаконченные сны каждую полночь, гудки поездов, необходимость искать новые истории для толпы бестолковых,

невежественных или любивших себя и свой покой клиентов, молодой еврей, болезнь которого постепенно становилась все более серьезной, и наш начальник станции, который становился все невыносимее... я не мог знать, куда меня это приведет.

Страница 193

Моя любимая тоже была уставшей и унылой; я вынужден был помогать и ей с ее рассказами.

Я чувствовал, что мои мысли становятся мутными. Постепенно мои отношения с миром за пределами станции слабели. Я уже не мог наблюдать за тем, как проходят дни. У меня не осталось старых способностей находить актуальные события для рассказов, связывать друг с другом людей и приключения. Часто я не мог даже узнать о важных событиях. Да, я знал некоторые новости: война закончилась. Проезжали полные солдатами, возвращавшимися толпами с фронта, поезда. Некоторое время я писал военные рассказы, собирая у них бессвязную информацию. Какое-то время я не мог вспомнить некоторые вещи: война проходила в нашей стране? Или воевали в далеких пустынях? Наши земли расширились или сократились? Молодой еврей давал мне ответы с уставшей улыбкой: Судя по тому, что наша станция осталась на том же самом месте, важно ли все это? Судя по тому, что мы не слышали звуки пушек, война никогда не приближалась к нашей станции. Потом я понял, что среди пассажиров спальных вагонов стало очень много ветеранов, которые с мрачным лицом просматривали мои рассказы. Один пассажир однажды сказал, что я начал допускать существенные ошибки даже в названиях городов. Я забывал или путал имена наших руководителей. Конечно, годами я совсем не произносил вслух имена людей. Между собой на станции мы годами не обращались друг к другу по имени. Мы совершенно не чувствовали такой необходимости. Даже название станции забылось, из-за того, что оно было написано на известке только на боковой стене, оно истерлось. У нас не было даже ни одного словаря, чтобы искать слова в случае необходимости. Каждый день я был обеспокоен тем,

что вспоминал слова, оставшиеся за пределами рассказов, которые вынужден был писать. Мы не разговаривали с торговцами едой. Начальник станции наконец тоже стал выражать свое недовольство одними жестами.

Страница 194

Молодой еврей был болен настолько, что уже не мог разговаривать, он обозначал то, что хотел, кивая головой. С молодой девушкой мы занимались любовью молча. Я быстро привык к этому.

На самом деле я не годился для того, чтобы сделать окончательные выводы о краткости прошедшего периода. В таком состоянии у меня не было другого выхода, кроме как привыкнуть. Я уже не был так уж молод. Я не знал другой работы, кроме как сочинение рассказов. Я уже не мог бы поехать в большой город, построить себе новую жизнь. Наша связь с миром за пределами станции постепенно сама собой сокращалась. Ранее мы прервали наши отношения с актуальными событиями из-за того, что подорожали газеты, и из-за того, что все больше ездили другим транспортом, а не поездами. Затем открылась новая железнодорожная линия, и экспрессы начали ходить один раз в неделю. Это меня устраивало. Я уже не хотел писать короткие рассказы, которые сначала заставляли меня взволнованно бегать, а потом моментально заканчивались.

Я писал, целыми днями не выходя из своей комнаты. Только шум сапожника по соседству путал мои мысли. Потому что уже не было молодого еврея; он умер некоторое время назад. На самом деле я хотел, чтобы молодая девушка переехала ко мне. Однако начальник станции, поскольку я не смог улучшить случай сообщить ему об этом моем желании, однажды – некоторое время назад – сговорился с сапожником. Мужчина вселился сразу же. В этой безлюдной местности его работа не считалась лучше нашей. Я думал предложить сапожнику переехать в хижину молодой девушки. Это моя мысль, я думаю, длилась слишком долго. Потому что однажды, когда я пришел в ее хижину для того, чтобы сообщить ей об этом предложении... Ладно, у меня немного спутались мысли. Однако было так: а именно,

молодая девушка ушла некоторое время назад. Да, ее хижина была пуста. Ночью, когда я только что закончил один из своих длинных рассказов и долго спал, она села на поезд и уехала. В те дни у меня в голове помутилось еще больше. Почему-то я вообще не продавал эти мои длинные рассказы. Я запрашивал, возможно, несколько больше из-за того, что продавал лишь раз в неделю. Нельзя сказать и то, что рассказы были понятны и логичны.

Страница 195

Я проводил свои дни впроголодь. Однажды – то есть некоторое время спустя – пассажир, который раньше – некоторое время назад – в отношении рассказа, который я продал ему, высказал резкую критику. Пронумерованные страницы перемешались. Я сказал ему, что уже неделю голодный. Нет, я не сказал. Я сказал это другому пассажиру – некоторое время спустя. Я старался объяснить пассажиру, который был некоторое время назад, что я делал, все зная. Я забывал много вещей. Однако я был чувствителен в отношении критики. В такие времена, во времена, когда я очень волновался, я находил прежнюю живость. Затем терял – некоторое время спустя. Например, я волновался, когда начальник станции говорил, что я уже не годен для работы, когда он собирался меня вышвырнуть. Хотя я и не мог найти много покупателей, я думал, что пишу рассказы лучше. Сапожник рассказывал о том, что происходит в мире. Я не думаю, что вспомню сейчас точно, что в нем происходило. Однако сапожник рассказывал о запутанном мире, который я не мог постичь. Он даже не слушал, когда я пытался читать ему свои рассказы. Тогда как я чувствовал, что они постепенно становились сильнее в плане выражения и постепенно приобретали большую ценность. Этого втолковать сапожнику я не мог. Потому что он ушел, оставил меня в одиночестве. После того как мы поговорили последний раз – некоторое время спустя, конечно, – он покинул станцию.

Это один из рассказов, которые я написал последними. Накопилось довольно много рассказов как этот. Все мои рассказы у меня в голове. Я очень хорошо все их помню. Я еще могу и не записать их все. Сейчас в

некоторые ночи я просыпаюсь в полночь по старой привычке, аккуратно помещаю эти новые рассказы в свою корзину – или корзину сейчас уже умершего молодого еврея, или в корзину молодой девушки – и выхожу на железную дорогу. Поезда здесь уже не ходят. В последние дни я почему-то не могу разглядеть здесь и начальника станции. Я думаю, что он в отпуске – потому что вот уже сколько лет он не устраивал себе выходной. Его одежда сейчас на мне.

Страница 196

Когда он уходит, он должен оставлять меня вместо себя. Поезда почему-то не ходят. Ну ладно, они – деталь незначительная.

Я боюсь. Потому что хочу уехать отсюда. Еще бакалейщик прекратил продажу в кредит. Однако эта ситуация уже не может продолжаться даже еще какой-то период. Я не мог спросить из-за того, что стеснялся бакалейщика, однажды – некоторое время назад – я не мог спросить сапожника из-за той же самой застенчивости: я хотел написать письмо, но не знал адреса. То есть я не знал ни одного адреса. Они не верили в это, поэтому я стеснялся. Я же не мог спросить: Вы не скажете мне любой адрес? Тогда как для меня любой адрес подошел бы. В те времена еще были и другие трудности. Сейчас тоже есть – то есть, несмотря на то, что прошло время. Вопрос написания на этом письме своего собственного адреса заставляет меня задуматься. Поскольку уже не ходят экспрессы или почтовые поезда – возможно уже достаточный срок, даже если я, найдя дорогу, доставлю эти рассказы моему читателю – моих покупателей уже не осталось – как я расскажу, где находился? Этот вопрос тоже заставляет меня задуматься. Но я вновь хочу написать ему, написать для него все, безостановочно рассказывать ему, сообщить, где я был.

Я здесь, дорогой мой читатель, интересно, а где ты?

23 июня 1976

26 сентября 1977